

Вячеслав Белоусов

ПРИЗРАКИ ОСТАВЛЯЮТ СЛЕДЫ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Вячеслав Белоусов

Призраки оставляют следы

«ВЕЧЕ»

2017

Белоусов В. П.

Призраки оставляют следы / В. П. Белоусов — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7975-5

Молодой следователь Данила Ковшов направлен на службу в глухой район провинции. Казалось бы, что может случиться в этой глубинке? Но внезапно чудовищные призраки былого вновь творят свои тёмные дела. И начинается опасная борьба с изощрённым и безжалостным врагом, спасающимся от возмездия за преступления, совершённые в далёком прошлом. Новый роман известного мастера отечественной остросюжетной прозы

ISBN 978-5-4484-7975-5

© Белоусов В. П., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Всё, что хуже не бывает	6
I	7
II	10
III	13
IV	15
V	17
VI	19
VII	20
VIII	30
Нéкто уничтожает улики	32
I	33
II	35
III	39
IV	43
V	46
Профи и дилетанты	49
I	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вячеслав Павлович Белоусов

Призраки оставляют следы

Роман

* * *

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство „Вече“».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Белоусов В. П., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Всё, что хуже не бывает

*Ибо нет ничего тайного,
что не сделалось бы явным,
ни сокровенного,
что не сделалось бы известным
и не обнаружилось бы.
Евангелие от Луки, 8:17*

I

Завершая бег по небосклону, белый шар остывшего солнца устало коснулся чахлой растительности вдоль дороги, когда странное средство передвижения, в последний раз тяжело охнув на ухабах, с облегчением вкатилось на пятнистую рябь мазутных ошмётков, с трудом напоминавших остатки асфальта. Опытный глаз специалиста и тот лишь с большими сомнениями мог бы определить в этом четырёхколёсном сооружении истинную модель автомобиля. В немыслимом симбиозе агрегатов, узлов и деталей машин зари автомобилестроения гордо витал дух авантюризма, отчаянной фантазии и безденежья владельца.

«Лесснер»?.. «Руссо-Балт»?.. «Нами»?.. «Ким»?.. – заметались бы в догадках и почти не ошиблись бы, ибо в автокентавре присутствовали многие реликты пращуров родных дорог: остов, то есть чудо-кузов всё же навевал ассоциации о дивной «эмке», однако металлокожаный верх был исполнен в стиле ампира и, очевидно, когда-то непринуждённо откидывался назад на багажник.

Итак, конечно, это был кабриолет. Сколько романтики в одном звуке этого слова!

Между тем сейчас автомобиль был наглухо задробен. Более того, чихнув несколько раз, мотор почти смолк, и машина притихла, окутавшись облаком дорожной пыли. Экипаж его – водитель и пассажиры на заднем сиденье – признаков активной жизни или желаний выбраться наружу явно не подавали.

Однако это продолжалось недолго. Как ни было благостно ощущение покоя после, должно быть, многочасовой тряски, молодой человек, дремавший на заднем сиденье рядом с очаровательной блондинкой, шевельнулся первым, поднял голову со спинки, приоткрыл дверку и осмотрелся. Он даже выпрыгнул на землю, видимо, всё ещё не веря своим глазам, размялся, оправил светлый костюм и попинал колёса, а затем, обойдя машину кругом, изобразил нескрываемое восхищение.

– А что, Аркадий! – поманил он водителя. – Похоже, ты выиграл пари. С меня два пива.

Автомобиль не развалился в пути, наоборот, он достиг желаемого пункта, именуемого районным центром, о чём свидетельствовала металлическая табличка на выдавшем виды скромном столбике, и двигатель, подтверждая это, мирно всхлипывал, передыхая на холостых.

Отворилась дверка водителя и внушительного вида атлет, не спеша поправив странноватый убор на голове, похожий на заграничное кепи, солидно произнёс:

– Не было сомнений, мой дорогой Данила. Ты бы, дружище, побеспокоился о выполнении условий.

И он хмыкнул, потерев рыжие усы, невольно разбудив большую яркую птицу на своём плече. Вздвогнув и склонив голову, та зорко поозиралась по сторонам, но тактично промолчала, посчитав излишним раньше времени подымать шум.

Между тем к машине сбегалась местная пацанва, среди которой выделялся вожак в огромной отцовской фуражке, тёплом не по погоде полушубке и безразмерных резиновых сапогах.

– Пожалуй, – ничуть не печалась, согласился Данила, шутя надвинул фуражку на нос разинувшему рот «гаврошу» и заглянул в салон к блондинке, притворно не открывавшей глаз.

– Спит Очаровашка, не булгачь, – остерёг водитель. – Укачало без привычки. Первый раз в такую даль!

– Первый раз в жизни, – кивнул наш герой, – однако попробуем проверить, – и он коснулся щеки подружки.

Нежные губы блондинки шевельнулись в белозубой улыбке так, что не поцеловать их было просто грех, и это мгновенно было исполнено. Капризный маленький носик тут же сморщился:

– И это всё, дорогой?..

Данила рванулся в салон, и автомобиль будто подбросило счастливым женским визгом.

– Ребята! – завозился на своём сиденье Аркадий. – Перепугаете публику. Смотрите, набежали, словно воробы.

Птица на его плече тоже проявила тревогу, но парочка, забывшись в объятиях, не обращала на них никакого внимания.

– Пардон, уважаемые, – не стерпел Аркадий и выбрался из кабины.

– Пар-р-рдон! Пар-р-рдон! Пар-р-рдон! – разоралась птица и вылетела вслед.

– Цирк! Цирк приехал! – завопила пацанва, а к усевшемуся на капоте попугаю тут же сунулся с палкой колоритный «гаврош».

– Дядя, – не сводя с птицы восхищённых глаз, дёргал он за полу плаща водителя, – она говорит по-человечьи?

– О святая простота! – атлет отобрал палку, собрался её подальше закинуть, но оглядев галдящих мальчишек, передумал. – Друзья мои, увы, это не цирк. Хотя, – он обернулся к спутникам, выбравшимся из кабины, потерял попугая за хохолок, – почему бы мне не тряхнуть стариной, Данила?

– Валяй, – улыбнулся тот. – Побалуй публику. Заодно заработаешь на ужин.

Аркадий враз засветился неведомым обаянием, озорно скинул кепи на капот, разбросав по плечам длинную, тоже рыжую, как усы, шевелюру, сбросил лёгкий плащ и, грациозно изогнувшись, отвесил поклон пацанве. Та облепила его со всех сторон, но он сделал жест рукой, в которой была палка, и расширил круг. Попугай послушно взлетел над ним, а когда Аркадий, ловко установив палку себе на лоб, запрокинул голову и опустил руку, уселся на палку как на насест и гаркнул что-то несусветное. Ему явно доставляло удовольствие купаться в восхищениях ликовавших зрителей. Аркадий с успехом несколько раз повторил трюк. Незаметно набежали зрители повзрослей.

– Тре бьен, тре бьен! – Повторял и повторял трюк Аркадий, весело покрикивая: – Оплее! Ферме, ферме!¹

Зрители восхищенно аплодировали, пацанва орала, «гаврош» свистел. Артист последний раз подкинул палку, раскланялся, попугай важно разместился на капоте машины. Очаровашка, не сдерживаясь, бросилась обнимать атлета, важно пожал ему руку и Данила:

– Спасибо, старик. Не теряешь формы.

– Не остаться ли мне с вами? – расчувствовался Аркадий. – Буду подрабатывать на первых порах. Пока у вас заладится?..

– Нет, – оценил шутку приятеля Данила, – цирк мы им не обещали. Так, дружок? – он обнял блондинку и заглянул ей в глаза.

– Постараемся, – отважно отвечала та и совсем серьёзно добавила, кивнув в сторону лилово-синей полосы заката, прочно завигающейся горизонтом. – Подумать бы о ночлеге, мальчишки.

– А вот сейчас мы всё и узнаем, – присел к «гаврошу» Аркадий, возвращая ему палку. – Как нам добраться до прокуратуры, малец?

– Я вас провожу, если хотите, – надул тот губы.

– Обиделся?

– Мне в школу на следующий год, какой я малец... – отвернувшись, буркнул тот.

– Ну извини, мил человек. Как зовут, величают? – протянул руку мириться здоровяк.

– Иван Селёдкин, – с достоинством прозвучало в ответ.

– Садись, Ваня, в машину, мигом домчимся до места! – засобиравшись Аркадий, распахивая дверцы автомобиля и подзывая попугая: – Шарль! Шарль! Лети ко мне, мудрая птица.

¹ Очень хорошо! Смелей! (фр.)

– А ехать никуда не надо, – явно пожалел мальчуган. – Тут пешком два шага.

Новоявленный артист шапито внимательно огляделся. Ни одно здание вокруг и отдалённо не рождало в памяти стандартных ассоциаций с грозным учреждением отечества. Вполне обычная деревенская улица с весёлыми разноцветными домиками взбегала на небольшой пригорок и пряталась в великолепных деревьях манящего фруктового сада, сохранившего не только листву, но и соблазнительные плоды осени. Единственным неудобством была огромная лужа у подножия этого пригорка, недалеко от которой несколькими минутами ранее Аркадий и остановил автомобиль.

– Вот туда вам и надо, – ткнул пальцем чуть ли не в лужу «гаврош» и с нескрываемым удовольствием шагнул вперёд.

Мальчишка озорно притопнул сапожищами не по росту, демонстрируя их превосходство над легкомысленной обувью городских, застывших перед препятствием.

– Вам в обход топать, – скомандовал он уже с другого берега, – так не пройти, – и снова углубился к самой середине лужи, добросовестно измеряя глубину.

– Куда ж ты нас завёл? – возмутился Аркадий, с сожалением бросив взгляд на свои жёлтые лакированные полуботинки и задирая до колен полы плаща.

– Куда просили, туда и веду, – обиделся мальчуган. – Вон, на бугре прокуратура.

Он лихо развернулся и зашагал по луже в фонтанах грязных брызг.

– Эй! Стой! Куда? – попытались остановить его друзья, но тот только рукой махнул, не оглядываясь.

– Малец-то не правнучек Сусанина? – засомневалась Очаровашка, шпильки её изящных и беспомощных в такой грязи туфельек молили о спасении.

– Я отчества не спросил, – смутился Аркадий, хмурясь и озирая лужу, он прикидывал маневр для форсирования. – Не исключено. Весь в прашура...

– Смелей, друзья! – подхватив на руки подружку и не страшась преград, Данила ринулся вперёд. – Что грязь на подошвах обуви по сравнению с тем, что нас ждёт?!

II

Сад ошеломил щедротами и заброшенностью. Переспелые плоды, засыпавшие землю под деревьями, издавали пьянящий аромат фруктовой прелести. В глубине, среди листвы яркой голубизной просвечивали таинственно приоткрытые ворота. Троица осторожно протиснулась внутрь.

Вопреки трепетным ожиданиям тривиальная картина ошеломила их. Среди просторного двора в бесформенной куче разбросанных агрегатов, деталей, болтов и гаек, всевозможных вёдер, кусков резины и мазутного тряпья на двух брёвнах громоздился полуразобранный автомобиль грязно-жёлтого цвета без колёс, капота и дверок. Рядом, накрытый брезентом, покоился чёрный от масла и гари двигатель. Внутри кузова копался грузный толстяк в измазанной тельняшке. Голову его покрывал пёстрый платок, закрученный узлами на четырёх концах, на курортах так укрывают лысины от солнца, загораю у моря.

– Здрасьте... добрый день... хорошего вечерочка! – вразнобой выпалили гости.

«С вечерочком» явно переборщил Аркадий.

Матрос поднял голову, оглядел явившихся безрадостным взглядом, что-то буркнул, вроде «ходят тут всякие» и, сплюнув папироску с губы, снова ткнулся в машину. Друзья переглянулись.

– Что он сказал? – прошептала испуганная Очаровашка.

– Недоволен, что в гараж припёрлись. Мы с входом попутали, – предположил Аркадий, пришедший в себя от бесцеремонности. Он подмигнул приятелям, поднял вверх указательный палец, и, призывая к спокойствию, шепнул: – Сейчас я устрою небольшой концерт.

– Только без этого!.. – предупредил Данила, нахмутив брови.

– Ну что ты, – улыбнулся Аркадий и с заинтересованным видом знатока начал медленно обходить кругом истерзанную авторазвалину. Закончив осмотр, остановился напротив неразговорчивого толстяка и затянул:

– «Газ двадцать эн», тысяча девятьсот сорок шестого года выпуска...

Матрос поднял на него правый глаз, но промолчал.

– Мы, Данила, с тобой на белый свет не появились, а гений советских конструкторов Андрей Липгарт уже спустил со стапеля это автомобильное чудо. Погляди, – Аркадий сунулся к мотору, – четырёхцилиндровый движок между пружинами независимой подвески, кузов, – он хлопнул по кабине, – без выступающих крыльев!..

Матрос, явно заинтересованный ярким панегириком Аркадия, оставил своё занятие, вытер руки ветошью, достал портсигар из благородного серебристого металла и принялся созерцать оратора. По мере развития монолога выражение его лица менялось, становясь благодушным.

– Надёжные и блестящие ходовые качества! – между тем продолжал восклицать тот. – Тяжеловата немного, но зато практична. Всего пятьдесят лошадиных сил, но скорость! Подумать только, свыше ста километров в час!

Аркадий снял кепи и нижайше поклонился автомобилю в пояс:

– Вот поэтому, мой верный друг Данила, народ окрестил это чудо «Победой»!

– «Победа», – согласился, совсем подобрев, толстяк. – Она, голубушка.

Он любовно погладил местами покрытый ржавчиной бок автомобиля:

– Двадцать с лишним лет отбегала. В исполкоме начинала, потом военком катался, у него на наш «козлик» и выменял.

– «ГАЗ-69»?

– На него.

– Зачем же? Тот надёжнее в ваших местах, – Аркадий кивнул на резиновые сапоги матроса, вылезающего из машины. – Спите тоже в них?

– Грязи хватает, – не обиделся тот, – весной, осенью... да, считай, весь год из них не вылезаешь. А «козлик» сдавать стал, достался мне от председателя колхоза.

– Шеф-то что? Новой машиной разжиться не может?

Матрос опустил голову вместо ответа.

– Эта старушка хоть и славна, а долго не протянет, – не останавливался Аркадий. – И по вашей грязи тяжела. В городе прокуроры на «Волгах» раскатывают.

– Шеф-то? – матрос, явно обескураженный, попытался открыть портсигар, но от возмущения руки его не слушались.

– Ба-а-а-а! – прервав его, Аркадий взбалмошно ткнул в крышку капота, пылившуюся у забора.

Его внимание привлекла необыкновенная деталь: к крышке был прикован металлический белый олень. Сверкая запрокинутыми рогами на величественной голове, он взлетел на дыбы, будто пытался вырваться и умчаться.

– Чья эта «Волга» лишилась такого красавца? – не успокаивался Аркадий. – Кстати, использование чужих фирменных знаков большой грех. Инспекцией не приветствуется.

– Подарок, – хмуро оборвал знатока матрос, отвернулся и сунул в рот папироску. – Городские, гляжу? Не последним автобусом прикатали?

Аркадий миролюбиво протянул руку к его портсигару и залюбовался яхтой с раздутыми парусами, выгравированной на крышке:

– Мечта?

– Какими судьбами? – тот вместо ответа захлопнул портсигар и подозрительно оглядел всю троицу.

– Слушай, морячок, – не стушевался Аркадий, – нам шефа твоего надо, прокурора района. Вот служивого ему привёз. С женой.

– Следователь Ковшов, – изобразил улыбку Данила и поклонился. Очаровашка присела в почтительном книксене.

– Та-а-ак, – затискал портсигар в руках матрос. – Приехали, значит... Заждались вас. Из города звонили, но я думал, опять одни обещания.

Он попытался изобразить улыбку:

– Ковшов, говоришь?

– Ковшов Данила Павлович.

– Где работал? С кем?

– Не понял? А вам, собственно, какая надобность? – Данила внимательнее взгляделся в матроса, внезапная догадка осенила его, и, не доверяя ей, он пролепетал: – А вы не Бобров?..

Вопрос остался без ответа.

– Маркел Тарасыч! – дверь дома в глубине двора распахнулась, и на деревянное крыльцо выбежала полураздетая миловидная женщина. – Маркел Тарасыч! Из милиции звонят!

– А, чёрт! – выругался матрос.

– Стреляют у Топорковых! – волновалась женщина, приближаясь.

– Варя, нельзя без крика? – матрос сдёргнул с головы комичный убор, разлетелись кудри, украсив его лицо. – Что ты, ей-богу, панику поднимаешь. Кто звонил?

– Спиридоныч... – застолбенела та.

– Ты что, Спиридоныча не знаешь? – поморщился прокурор. – Вечно из мухи слона делает...

– Дежурит он, – перебила женщина, укрывая от посторонних глаз плечи и шею едва не слетевшим на бегу кружевным платком. – Говорит, стрельба с полчаса началась. Не мог дозвониться. Опять у нас что-то с телефоном. Каримов уже выехал сам.

Прокурор запустил пятерню в шевелюру, поджал губы, поморщился:

– Ребята, вы, догадываюсь, на своей машине приехали?

– На улице поджидает, – ответил Аркадий.

– Довезёте до милиции.

III

Бобров отсутствовал недолго, а когда вышел из дома, в крепко сложенном мужчине в форменной фуражке, тёмно-синем мундире с золотыми пуговицами и зелёными лампасами с трудом узнавался недавний «матрос».

– Кто за рулём? – не доходя, спросил прокурор.

– Я! – невольно вытянулся в струнку Аркадий.

– Тогда вперёд и с песней! – скомандовал Бобров, но замер, только теперь приметив жавшуюся к Даниле девушку:

– А вас, простите, как звать-величать?

– Валя... – растерялась Очаровашка и совсем спряталась за мужа под суровым прокурорским окном.

– Извините, отчество?

– Можно Валентина... – совсем потерялась та. – Николаевна...

– Вам, милая Валюша, придётся остаться здесь. Варя! – властно позвал он жену. – Позабойсья. Мы скоро.

Бобров резко развернулся и широко зашагал к воротам, через сад на улицу, будто зная, где их поджидает автомобиль. Друзья бросились вслед. На обочине дороги у автомобиля маячила одинокая фигурка.

– Ванька, ты что тут делаешь? – окликнул мальчугана прокурор. – Мать обыскалась, вечер на дворе, а он вот где прохлаждается! А ну беги домой!

– Дядя Маркел, – заканючил тот и прижался к Аркадию, – меня прокатить обещали...

– До милиции довезём, Маркел Тарасович? – заступился за мальчишку Аркадий и даже плащом его прикрыл от строго взгляда.

– Везде поспекает, малёк, – Бобров махнул рукой, его больше интересовала автомашина, которую он начал разглядывать с нескрываемым удивлением, погладил понравившиеся фары, дёрнул верх кабриолета, пытаясь открыть, пнул колёса ногой и обернулся к Аркадию. – Это что за рыба? Ничего подобного не видал.

– Не рыба, а птица, товарищ майор, – снова вытянулся Аркадий и начал пространную лекцию. – Получив крылатое имя «эмка», это чудо, кстати, одна из первых моделей горьковского завода...

– Ты мне лекций не читай, – оборвал его Бобров. – Ещё с фараонов начни. Машина им ровесница?

И он хмыкнул, но видно было – лукавил прокурор, его, в прошлом шофёрскую душу, заела красивая реликвия, нежданно-нежданным очутившаяся в этой глуши. Автомобили были известной страстью бывшего моряка, занимали прочное третье место в его душе, где первое навеки принадлежало морю, а второе – его несравненной жене Варваре свет Афанасьевне.

– Открою секрет, – не обиделся Аркадий насчёт возраста машины. – Помогали её собирать американцы. Кое-что срисовали с «форда».

– Поэтому и дожила до наших дней, – покивал Бобров.

– Позвольте, а полуторка? – тут же возмутился бескорыстный защитник отечественного автомобилестроения.

– Проверим на ход, – прервал закипавший спор Бобров и уселся на сиденье рядом с водителем.

Экипаж, включая Ваньку, гораздо ранее успел занять места сзади.

– А вы что же, Маркел Тарасович, по морям ходили? – заведя мотор, спросил Аркадий.

– Служил, – коротко оборвал его прокурор. – Гони. Посмотрим твою птицу в полёте.

Стреляя выхлопными газами, словно автоматной очередью, пришпоренный опытной рукой автомобиль не подвёл возничего и резво рванул с места.

– Ничего, ход держит, – одобрил Бобров.

– И рулю послушна. Как хорошая жена мужу, – поддакнул Аркадий.

– Сам собирал? – окинув его уважительным взглядом, поинтересовался Бобров.

– От деда осталось наследство. Тот этим хобби страдал.

– Чем?

– Увлекался машинами.

– Ну-ну...

– Движок, ходовую с ним перебрали по винтику. Рессоры отковали на заводе. До сих пор не подводили, хотя дороги у нас!..

– Милиция в городе не останавливает?

– Поначалу было, а как прокатил, честь отдают.

Разговаривая, Бобров не забывал указывать Аркадию направление. Возле кирпичного двухэтажного здания с развевающимся красным флагом и многочисленными щитами типа: «Внимание, розыск!», «Наши будни», «Жить на свободе лучше неволи» и т. д. прокурор командовал остановку. С опозданием к машине выбежал сидящий капитан милиции, перепоясанный кожаной портупеей и при кобуре на боку. Уважительно припечатав ладонь к козырьку фуражки, он приветствовал прокурора.

– Что за стрельба, Спиридоныч? – пожал ему руку Бобров.

– Топор из тюрьги сбежал, Маркел Тарасович, – поджал губы тот и сделал виноватое лицо, будто по его оплошности всё и случилось.

– Из колонии!

– Совершил побег...

– Да что же это творится!

– Нажрался самогонки и поднял пальбу.

– Ни с того ни с сего?

– Начальник райотдела сам выехал на задержание. А тот стрелять начал.

– Вот дурак! Никого не задел?

– Пока без жертв.

– А Каримов зачем попёрся? Чапаевские лавры покоя не дают?

– Наши поначалу без оружия поехали. Но он пальбу открыл, они назад примчались, вот подполковник сам и...

– Пять лет дали сопляку! И за это столько же добавляют! – сокрушался Бобров. – Ах, Топор, Топор! Отец не дотянет теперь, не дождётся.

– Кабы не пристрелили...

– Это что ж?

– Каримов приказал автоматы взять...

– Вот вояки! – Бобров схватился за голову. – Мне бы туда поспеть! Машина есть, Спиридоныч?

– Товарищ прокурор, – тронул за рукав Боброва Аркадий. – Вы про нас забыли. Мы быстрее домчим.

И автомобиль взревел, дрожа нутром в нетерпении, готовый выполнить любую команду.

– Ну, давай! – махнул рукой прокурор.

IV

– Тут недалеко, – успокаивал попутчиков Бобров. – Несколько лет назад этот мальчишка под суд угодил. Лихой малый, за что и прозвище заслужил. Топор, подумать только!

– Бывает, – поддержал Аркадий, прокурор ему откровенно нравился.

– Пацанва его любила. Вон, Ванька, шпанёнок, к нему сильно привязан был. Мать жаловалась. Помнишь Топора, Иван? – Бобров обернулся к мальчугану, ловящему каждое его слово. – Забыл я опять тебя посадить. Ну ничего, сейчас доедем, погоню к матери.

– А вы, значит, знакомы? – подивился Аркадий. – Вас здесь, Маркел Тарасович, наверное, каждая шавка... – и осёкся пристыженный, – извините.

– Чего там, – не моргнул Бобров, поправив сбившуюся на затылок фуражку. – Каждая собака! А как иначе? Какой ты тогда прокурор? А Ванькина мать у меня работает. Курьером. Так что мы давние друзья. Всей прокуратурой над ним шефствуем. Скоро в школу вот.

– Через год, – подсказал Ванька из-за спины.

– И не заметишь.

Солнце между тем успело закатиться за крыши домишек, и автомобиль, сбавив скорость, колесил по темнеющим пустым улочкам.

– Васька Топорков голубятником славился, – продолжал Бобров. – Пацанва к нему липла. Мужики и те за голубями бегали, совет какой или помощь. Голуби это!..

И Бобров сверкнул глазами, замолчал, подыскивая слово.

– И вы, дядя Маркел... – подал голос мальчуган сзади.

– Чего?

– И вы...

– Чего я? – прикрикнул на мальчишку Бобров. – Беззаботным был Топорков вот и вляпался в серьёзную историю. При аресте я его допрашивал. Слова не добился. Единственное твердит, судите быстрее. Спрашиваю, как так? А он мне – как она говорит, так, значит, всё и было. А она – дочка большого человека. Потерпевшая-то...

Бобров завозился со своей фуражкой, она явно мешала ему, постоянно упиралась в крышу салона и, вскидывая голову, он надвигал козырёк на нос. Не шёл к его добродушной физиономии жёсткий форменный убор. Скинув его на колени, прокурор успокоился.

– Милиция следствие вела, – продолжил тише, будто извинялся, – надо было, конечно, дело себе взять, да следователяша моя снова заболела, вот им и поручил. Пять лет в суде пацан схватил... а сам... губы в молоке! Какой из него Топор?.. Слесарем в гараже её отца работал...

– Да, дела... – посочувствовал Аркадий, – схлопотал парень тюрьму по глупости.

– Перегибать палку не надо, – одёрнул его прокурор, – там свидетели были, они такое наплели!..

Видно, занозой эта тема сидела в нём, он полез за портсигаром, закурил.

Аркадий начал притормаживать. Впереди толпа народа перекрывала улочку. Замелькали люди в милицейской форме. Бегали дети.

– Стоп! – скомандовал Бобров. – Приехали.

Разрезая толпу от дальнего углового дома, к машине заспешил подполковник милиции, сопровождаемый офицерами с автоматами.

– Так, – Бобров оглядел Аркадия и Данилу, посерьёзнев обратился к Ковшову: – На задержании преступников бывать приходилось?

Ковшов отрицательно качнул головой.

– И ни к чему. Не наше это дело, – согласился прокурор. – Оружие в руках не держал, конечно?

– Только в учебке на стрельбах.

– Всё правильно, тоже ни к чему.

– А у меня есть, – ухмыльнулся Аркадий, дёрнулся озорно и, выхватив пистолетик из кармана плаща, нацелил ствол в Боброва.

Серая сталь ствола блестела холодно и тревожно. Бобров отстранился, словно ожёлся, выбросил руку, защищаясь, но раздался щелчок, и яркий язычок пламени затрепетал у дула пистолетика.

– Наповал я вас, Маркел Тарасович, – увернул руку Аркадий.

– Сразил, – пробурчал Бобров, но не обиделся, бережно взял искусно выполненную зажигалку, увлёкся рассматривая. – Шутки у вас, городских...

Чувствовалось, оружие он любил, диковинка ему приглянулась.

– Вылитый «тэтэ», все параметры сохранены. С душой сделано.

– На дембель братишки порадовали.

– На границе служил?

– В Прибалтике загорал. В морской пехоте.

– Уступил бы игрушку?

– Не могу, Маркел Тарасович. При всём уважении, – Аркадий забрал зажигалку, повернулся к Даниле. – Сюда вёз, в торжественный момент своему другу вручить. Сюрприз, так сказать. С назначением поздравить. Но до праздничного стола, чувствую, не скоро. А к своим обязанностям мой верный товарищ уже приступает. Так что, – Аркадий вручил подарок Даниле и хлопнул его по плечу, – владей и, как говорится, без нужды не вынимай, без славы не вкладывай.

Подполковник милиции уже подходил к автомобилю, прокурор, водрузив фуражку на голову, вылез наружу.

V

– Хотелось бы услышать, что здесь происходит, – дождавшись подполковника, сумрачно протянул ему руку Бобров.

– Не хотел беспокоить, – отчеканил тот. – Тихонов доложил?

– Как положено, – поморщился прокурор, – Спиридоныч.

– Уголовник Топорков сбежал из колонии. Полагали, возьмём без шума. Он, пьяная свинья, поднял стрельбу. Засел в доме и палит. Неизвестно, куда отца дел. Тот прибаливал последнее время. Можно допустить, что убил по пьяни, поэтому стрельбу и затеял.

– Не поверю.

– Вы и тогда к нему лояльность допускали, Маркел Тарасович, – перебил подполковник. – Но суд дал оценку.

– Не разбойник он и не убийца, – твёрже сказал Бобров. – Давайте этой темы не будем касаться. Не время.

– Пробовали уговорить, – чеканил подполковник. – Озлоблен. Не идёт на контакт. Боюсь, живём не дастся. Сплошной мат и угрозы. Я вызвал автоматчиков, чтобы бед не натворил.

– Уже натворили всего! – Бобров хмуро оглядел толпу. – Вон, народа сколько собрали! Подумали о последствиях? А их заденет шальная пуля? Дети кругом.

– Сергеев! – обернулся подполковник к офицеру. – Я же отдал команду посторонних убрать. Исполнить немедленно. И вообще – в шею любопытных!

Аркадий и Данила, выбравшись из машины, переглянулись. Всеми забытый Ванька жался у их ног.

– А, ты ещё здесь! – заметил мальчугана и Бобров. – Ну-ка бегом к матери! Чтоб я тебя больше не видел.

Ванька попятился, спрятался за спины друзей.

– Пошёл, пошёл! – крикнул Бобров и повернулся к Ковшову: – Ждите меня здесь. Может, придётся протокол составить.

– А?.. – дёрнулся к нему Аркадий.

– А праздничный стол на время отложить, – отбрил его прокурор.

– Хуже нет ждать да догонять, – печально сострил Аркадий, Данила от досады пнул ногой колесо автомобиля.

– Слушай и запоминай, друг мой нетерпеливый, – Аркадий возвратился на сиденье машины, вытянул ноги на улицу, расслабился, глубоко и устало вздохнув, начал наставительным тоном: – Никогда не гони лошадей. С утра нас нещадно трясло в дороге. День ещё не кончился, мы в этой, я извиняюсь, дыре, а события разворачиваются, словно в скверном водовиле. Не спамши, не жрамши гоняемся за пьяным баламутом. Подумать только! За каким-то Топором... Бог мой! Прямо приключения деревенского Пинкертон. Ты не обижайся, мне наш симпатичный морячок тоже очень приглянулся, но бандит есть бандит. Был ли он трогательным тихоней или сорванцом, но теперь это зарвавшийся уголовник. К тому же пьян и затравлен в берлоге. А зверь в берлоге показывает зубы. Дилетантам лучше не соваться. Не прокурорское это дело – уголовников ловить. Не одобряю я Тарасыча. А ты уж подавно сиди.

Аркадий покосился на молчавшего приятеля:

– Бобров да и начальник, слышал, что говорили? Пять лет получил! Часть отбухал. Ему сейчас всё нипочём. Заодно и прокурора прихлопнет. Какого рожна он туда полез?

Но Данила его не слушал. Он смотрел поверх плеча рассуждающего друга, смотрел с таким лицом, словно там происходило нечто ужасное.

– Что? – обернулся и Аркадий.

– Смотри, смотри... Ванька! Куда он, чертёнок, рванул?

– Бобров его к матери погнал, вот он и помчался, – приглядываясь, беспечно ответил Аркадий. – Перепугался, малец. Как увидел, что творится, так дёру и дал.

– Нет. Тут что-то не так, – возразил Ковшов. – Он же к тому дому бежит, где уголовник засел!

– Да будет тебе, – Аркадий не реагировал. – Пацан смысленный. Чего ему под пули-то?

– А ты глянь, куда он пробирается... – Данила едва сдерживался, чтобы не пуститься следом за мальчуганом.

Людская толпа, запрудившая улочку, взволнованно гудела, женщины честили пьяниц, мешающих спокойно жить, мужики, окружив милиционеров в оцеплении, матерились без стеснения, давали разномастные советы, как выкурить засевшего из дома. За толпой метров на сто зияла серая пустошь, с которой пропали даже бесшабашные дворняги. В самой глубине пустоши, заросшей камышом, высилась мрачная тёмная изба. Была она старой, срубленной из тесаных брёвен и напоминала гнездо мерзкого паука, затаившегося в ожидании добычи.

Ванька, ужом проскользнувший сквозь толпу и оцепление, воровато озираясь, кружил в тупике переулка, дёргая наугад доски корявого забора телятника. К телятнику примыкал крепкий дом с садом, к нему прицепились несколько покосившихся землянок с тёмными маленькими оконцами, тут же чернел совсем запущенный двор с невразумительными постройками, которые подбирались к паучьему гнезду. Туда и стремился мальчишка, метавшийся в поисках прохода в заборе.

– Он же, шальной, понял, что на дороге его поймают, вот и ищет дыру! – обернулся к Аркадию Данила. – И чего ему понадобилось?

– Выдумывать ты горазд, – буркнул Аркадий, не подымаясь. – Растрясло тебя, мой друг.

– Ванька! Назад! Не смей! – пытаюсь перекрычать толпу, замахал руками Данила и повернулся к Аркадию. – Это он спасти его бросился. Испугался автоматчиков-то.

– Уверен? – в глазах Аркадия мелькнул интерес. – Хорош, герой...

Между тем мальчуган отыскал уязвимое место; одна из досок забора поддалась и отвалилась, открывая путь, и он исчез в проломе.

Ковшов, ни слова не говоря, бросился вслед.

– Побегай, побегай, – махнул ему рукой Аркадий, не придавая значения. – Остуди молодую кровь.

VI

Влетев через пролом в телятник, Данила попробовал осмотреться. Со света ничего не было видно, и он едва не задохнулся от острого запаха навоза. Разбивая колени и локти, падая и вскакивая, он бежал к светлеющим пятнам, угадывая выход. Мальчишки след простыл, не было его и в пустом саду, и во дворе близ землянок, хотя Данила нутром чувствовал присутствие шалопаи впереди – тот, будто подначивая, заманивал его всё дальше и дальше. Задышавшись, с рвущимся сердцем, Ковшов перепрыгивал препятствия, перелезал заборы. Где-то рванулась с цепи собака, но он лягнул её ногой, так толком и не заметив. Впереди замаячила стена совсем неприступного высокого частокола, Данила бросился на неё грудью со всего разбега, подтянулся на руках и перекинул тело, однако, лишь приземлившись на другую сторону, отшатнулся.

Оказался он на пустынном дворе, в дальнем конце которого темнели брёвна той самой рубленой избы, где скрывался уголовник. Стена избы была тыльной, забор, через который он перемахнул, полукругом отгораживал пространство, примыкал к избе с одной стороны, с другой всё было завалено поленищами суковатых дров. Задрал вверх худосочную жердь, маячил журавль с перекосившимся срубом колодца. Отдышавшись и успокоившись, Ковшов высмотрел единственное махонькое оконце, крест-накрест заколоченное досками, приметил и дверь без крыльца в пожухлой траве.

Данила упал в кусты, сердце стучало, будто готовое выпрыгнуть. Из дома не доносилось ни звука. «Где же мальчишка? – мелькнула мысль. – Не успел же он забраться в дом к этому проклятому Топору? Да и что ему там делать? К тому же высокого забора мальцу не одолеть... Впрочем, от проныры всего можно ожидать, способен пролезть в любую дыру вниз, которую не заметить...»

С противоположной стороны избы донёсся ружейный выстрел, прервавший размышления. В ответ полоснули автоматной очередью. Медлить и пережидать нельзя. Другой возможности – пока уголовник отвлечён работниками милиции – может и не появиться. Данила скользнул к поленицам, выхватил дровяной колун, оставленный беспечным дровосеком и, подобравшись к двери, попытался её отжать. Но та, крепко закрытая изнутри, не поддавалась, как он ни упорствовал. Данила прыгнул к низкому окну, размахнулся колун, и обе доски отлетели сразу, но внутри оказался ещё какой-то щит. Ковшов рубанул его наотмашь, прижал топор к голове и, сгруппировавшись, бросился вперёд в окно на обломки. Едва приземлившись, не переводя дыхания, он оттолкнулся ногами от стены и, угодив в угол комнаты, замер. Густые потёмки не давали возможности оглядеться. Вдруг яркий луч света ударил в лицо и ослепил.

– Лежать! Не двигаться! – прозвучал хриплый окрик. – Брось колун!

В лоб упёрлось дуствольное дуло ружья, больно сдирая кожу. От жестокого удара прикладом Данила врезался лицом в пол, разбивая нос и губы.

– Руки, ноги в стороны, легавый!..

VII

Новый удар потряс тело, и Данила на миг потерял сознание, колун выпал из рук, уголовник движением ноги отбросил его в сторону.

– Не шевелись! Убью!

Он нагнулся, пробежал рукой по его карманам, нащупал и выхватил зажигалку. Слышно стало, как передёрнул затвор, щёлкнул курком. Раздался разочарованный возглас, но игрушка позабавила его и, восхищаясь, Топор щёлкнул второй раз, любуясь огоньком.

В следующую секунду луч фонарика заплесал по голове Ковшова:

– Ну-ка, покажись! Кто к нам пожаловал?

Данила с трудом перевернулся на спину. Луч света побегал по его лицу, туловищу, ногам, вернулся вверх.

– Ты из каких будешь, мильтон? Не из здешних?

Данила не мог говорить, лишь выплюнул сгусток крови изо рта. Уголовник ещё раз тщательно обшарил его карманы.

– Вот те на! – выхватил удостоверение из нагрудного кармана пиджака, раскрыл красную книжицу с государственным гербом. – Никак городской! Как сюда попал, служивый? Ковшов. Да-ни-ла Пав-ло-вич, – нараспев прочитал он, подсвечивая себе фонариком.

Данила лихорадочно просчитывал ситуацию, приходя в себя.

– Тебе что память отшибло? На-ка, повяжись! – Топор расстегнул брючный ремень на лежащем, рывком выдернул его, и Данила не удержался от стога. – Вяжи себе ноги! Затягивай крепче!

Когда Ковшов справился, последовала новая команда:

– Теперь давай за мной. По-пластунски, как учили.

Данила на руках пополз за уголовником, который устремился к передним окнам избы. Ветер гулял в этой части помещения, скрипели осколки стёкол.

– Прозевался я с тобой, – уголовник зорко уставился на улицу. – Что там ещё мильтоны затеяли? Не слышать.

Нападавшие затихли, готовясь к новой атаке.

Удовлетворенный обзором, Топор неуловимым движением перекинул ружьё из одной руки в другую, достал невесть откуда взявшуюся початую бутылку водки и, сделав глоток из горлышка, уставился на пленника.

Данила попытался приподняться и сесть, но с первого раза не получилось. Кружилась голова, боль мешала любым попыткам шевельнуться, кровь заливала глаза.

– Ну, служивый, побрякаем, пока снова базлан не начался. Ты где волыну раздобыл? Если меня брать собрался, то прогадал, – уголовник сплюнул, заматерился. – Я не баклан. Мне сейчас заземлить любого, как два пальца об асфальт. За так в руки не дамся. С автоматами меня обложили, так я вас из ружья пощёлкаю, пока доберётесь.

Данила старался не двигаться. Тупая боль саднила затылок. Да и что ответить? Мысли, как булыжники, ворочались в голове, лихорадило одно – где выход из ситуации, как освободиться? Зачем он помчался за мальчишкой, которого так и не догнал? Что общего у ребёнка с преступником, чтобы заставило лезть под пули? Голуби в небе? Бред! Данила заскрежетал зубами от досады. А он сам?.. Совершенно безоружным бросился на матёрого безумца! Теперь вот упирайся разбитой мордой в вонючий угол, глотай сопли. Этот парень не промах, ему грохнуть человека ничего не стоит. Загнанный зверь! Такому пропадать под музыку одно веселье...

«Эх, друг Аркадий, – тосковала, угнетала мысль, – как ты далеко! И ни о чём не догадываешься... По-твоему я ещё за шпанёнком гоняюсь... А милая Очаровашка... умирает от неведения и страха...»

Воспоминания о жене перехватили дыхание. Отгоняя тоску, Данила дёрнулся головой и, ударившись затылком, чуть было не потерял сознание от боли. «Самовлюблённый идиот! – ругал он себя. – Вляпался в историю... голыми руками думал взять матёрого преступника!..»

Двухметровый детина не покидал наблюдательного пункта у окон. Чем больше Данила изучал его, всматриваясь и анализируя, тем меньше тот напоминал ему загнанного в тупик пьяного психопата. Наоборот, чувствовалась стратегия охотника, знающего повадки выслеживаемого зверя. Укрывшись за косяком окна, несмотря на спустившиеся уже довольно густые сумерки, тот держал под контролем всё затаившееся на площади перед избой, чутко улавливая каждое движение и малейший шорох. Постоянно прикладываясь к бутылке и закусывая лишь сигаретой, огонёк которой аккуратно прятал в рукав куртки, пьяным не выглядел. Поджарый, по-кошачьи лёгкий, он скорее прыгал, а не ходил, глаза поспевали следить и за пленником, и за улицей.

В первой схватке Данила проиграл вчистую. Да и можно ли назвать боем то, что произошло? Противник подловил его, как слепого котёнка. Данила скрипнул зубами – Аркадию рассказать, на смех подымет. Но западня сработала, и он оказался в капкане. Практически, двигаться он не мог, а без ног ничего не сделать. Но оставались свободными руки, сознание постепенно возвращалось вместе с надеждой предпринять новую попытку. Следует использовать все средства. И прежде всего заговорить самому. Попытаться установить какой-то контакт. Пожалуй, то, что он не местный, на пользу. Тех Топор ненавидит, не скрывая. Заговорить? Это выигрыш времени и верный путь к спасению. Но о чём? Убедить затравленного уголовника в истинах, которые тот давно похоронил, существуя по совершенно другим правилам? Вывать к разуму? Пустое занятие. Уж очень злобно бандит настроен. Однако молчать и бездействовать нельзя. Данила дёрнулся головой и вскрикнул от новой боли.

– Лытками не очень, – упёрся стволом ему в ногу уголовник. – Мне терять нечего. Мне не жить и тебя возьму. Вдвоём веселей. Не бойсь. Говорят, страшно только сначала.

Он сплюнул окурок, раздавил сапогом, завертел зажигалку, любуясь:

– Небось из-за бугра? Нашим не придумать. И на зоне такую не сработать. Слушай, молчун, кодла там большая собралась?

– Начальник милиции... – буркнул Данила.

– Карим?

– И прокурор района подъехал.

– Бобёр! Он за какие коврижки?

– С Бобровым я и приехал.

– Как же Бобёр сунул тебя ко мне? Мели, Емеля.

– Бобров не знает, что я здесь, – сплёвывая кровь, с трудом выговорил Данила. – Я вообще в районе первый день. Только назначили.

– Заливаешь.

– Чего мне заливать?

– Чтобы Бобёр и ничего не знал! – обескуражился детина. – Ты мне колокола не лей. Не люблю. Когда-то по наивности я ему исповедался, только всё зря. И Карим, значит, прикатил?..

– Милиции много. Изба оцеплена. Народ шумит.

– Этот хорошо, что народ. На народе смерть красна. Что говорят?

– Знают тебя.

– А как же! – уголовник обрадовался, это было единственное, что его взволновало. – Меня бы им забыть! Что трезвонят?

– Разное. Бабы плачут.

– Душу не рви.

– Что видел, то и говорю, – нащупал слабинку Данила. – Ребятни много.

– Не рви душу! – заорал тот истерично. – Спёклась она на зоне.

Уголовник судорожно закурил новую сигарету, этого у него было в избытке: сигарет, водки, мата.

– Я на первой ходке у Бобра размяк, – он ударил прикладом ружья в пол, будто заметил что-то гадкое. – А ему не до меня. Что ему вислогубый щенок? Ему сознанка моя нужна. Он в душе моей копался. До заветного добрался. Знал, чем зацепить. Ёлкой да этими... голубями. Не поверил мне до конца. Да и кто в такое поверит, что Хан, сам хозяин района, пацана подставил? И Ёлку, дочку свою родную, Хан обманул. Обещал ей, что меня поддержат для остратки и выпустят. Только из Белого лебедя пути на волю нет...

Он помолчал.

– Она потом весточку с моим отцом переслала. Всё отписала, как он её обтяпал, каялась, прощения просила... Поздно было. Ничего не повернуть...

Хмыкнув и сплюнув, он пнул ногой пустую бутылку, та с грохотом вцепилась в стену и долго каталась по тёмным углам пустого помещения в мёртвой напряжённой тишине.

– Я, ванёк-ваньком, из Белого лебедя до Бобра дописаться хотел. Ждал, что вызовет меня, пересмотр дела устроит... Ни ответа, ни привета. Карим моих бумажных голубей перехватывал, почитывал, да от смеха давился... Ну, ничего, этот смех у него в горле застынет. Я гастроль эту не просто так задумал, менты долго помнить будут... Братва научила уму-разуму. За тот пятерик, которым меня митрополит² окрестил, им всем икнётся.

Топор отставил ружьё к стене, достал из темноты бутылку, выхватил из голенища сапога хищного вида ножище и рубанул им горлышко. Жалко звякнув, оно срезалось ровным краем. Запрокинув голову, он жадно влил в себя чуть не половину. Обтёр губы, отвернулся к окну.

– И что потом? – подтолкнул его Данила.

– Потом... А что потом?.. – он затаился сигаретой, помолчав, горько покачал головой. – На зоне жизнь иная. Свои законы, свои правила. Но я жучком не был, жлобом не слыл, животных сам ненавидел. Спроси про Топора, всяк скажет – жил порожняком³.

Он вскинул горящие глаза на Данилу, ожёг его взглядом, но потух, отвернулся.

– Отец не забывал, навещал, когда позволяли. Он записку от Ёлки и притаранил. Она на воле сама до всего дозналась, прописала, что петлю на шею мне Хан с Каримом накинули. Да и я уже до всего сам дошёл. Кумекал.

– Что за Хан?

– Отец её.

– Что же? Не смогла она его убедить?

– Какой там? Железный человек! Она брата просила за меня. Но тот такой же, весь в Хана, будто по одной колодке отлитый. И отцу, как идолу, во всём верит. Это Ёлка у них одна никудышная.

– А мать?

– А мать ничего не решает. Не знаю вообще говорит ли когда. Слова от неё не слышал.

– Что же? Других возможностей никаких? В область бы обратился.

– Смешной ты парень! – Топор расплылся в пьяной ухмылке, сплюнул презрительно. – Хан большой человек. Всем районом командует. Первый секретарь здешнего райкома. А раньше, ещё по молодости, он в энкавэдэ был, тоже здесь. Узнаешь ещё, ты же небось партийный. Карим полностью под ним. Хану моргнуть – и Карим на цырлах, а с ним и вся милиция.

– А Бобров?

– А что Бобров? Ему об этом не докладывают. Хотя... Бобёр мужик умный, может, и догадался. Только что ему одному?.. Мы с Ёлкой со школы вместе всегда держались. Потом дружить стали. Хан всерьёз не принимал до поры. А тут пригласила она одноклассников на

² Митрополит (*вор. жаргон*) – председательствующий на суде.

³ Жить порожняком (*вор. жаргон*) – быть в авторитете у осуждённых.

день рождения. Нас после экзаменов как раз распустили. А я у Хана уже в гараж пристроился, отец упротосил автослесарем. На день рождения опоздал, а явился, – они за столом. Я петухом, с цветами и серёжки ей принёс на последние гроши. Галстук, помню, отец затянул на шее, а я их никогда не носил, ну и в дверях сорвал, в карман сунул. Одним словом, как с пожара. Ёлка потом смеялась, что у меня и нос как следует не отмыт был...

Топорков щёлкнул себя по носу, кинул взгляд в окно, поморщился:

– С порога к ней с цветами, а Хан между нами встрял. Посмотрел на меня, издеваясь, за нос схватил, а другой рукой галстук из кармана вытащил и мне к глазам, что, мол, за клоун? Мы таких не ждём, пошёл назад умыться!.. В шею меня и назад к дверям... Топором меня кликать начали класса с третьего, я в обиду себя не давал. Не сдержался, легонько его толкнул... Он упал, ударился, крик поднял, Ёлка между нами влезла... Я серёжки-то успел ей подарить. Она уже в них была. А потом одна из них у меня оказалась. Как? Не пойму до сих пор. Только в торбе⁴ уже я её под майкой ущупал... кололась она, жуть...

Топорков полез под рубаху и снял с шеи мерцающее белым серебром одинокое сердечко на самодельной цепочке; хрупкое, оно выскользнуло из его корявых пальцев, но удержалось, беспомощно обвиснув в огромной лапе.

– Тогда, при обыске, за щекой спрятал, так при мне с тех пор. Вот за это сердечко в разбойники и угодил – Карим статью пришил. До последнего надеялся второй раз с Бобром встретиться, думал, на суде его увижу, придёт выступать... Бабу вместо себя прислал. А та всё торопилась. Заикнуться не дала...

– Сколько отсидел?

– Сколько, спрашиваешь? Там год за два, кажется, – он замолчал. – Чего вспоминать... Хлебнул.

– И всё-таки не поздно всё пересмотреть. Перепроверить. Есть закон по вновь открывшимся обстоятельствам.

– Откуда вновь? Это же всё известно было!

– Я тебе говорю. В уголовном праве...

– Нет. Теперь они меня к стенке. За стрельбу... да не дай бог, попал в кого...

– За побег, конечно, добавят... Но расскажешь, как было. Проверку проведут, дополнительное следствие. Заниматься будет уже не милиция, а прокуратура.

– Хрен редьки не слаще! Пойдёт Бобёр против Карима?

– Девушку твою допросят, – не слушал Данила. – Если всё подтвердится, ты не виноват. Тот скандал на празднике потянет лишь на мелкое хулиганство. А это административный проступок, ты за него уже отбыл сполна. Тебя должны оправдать, так как...

– Ты мне молитву⁵ не читай, – перебил Топорков, поморщился и усмехнулся. – На зоне все эти сказки слышали. Только в блатных песенках приговоры незаконными бывают, а прокурора слеза давит, – и он, сощурившись, с издёвкой пропел:

Прокурор на счастье и любовь

Поднял окровавленные руки...

– Я на первых порах тоже верил, потом горько платить пришлось. Когда узнал от отца, что письма мои не доходят, что их Карим почитывает, да отписки мне шлёт, так чего с дуру не творил. И на скрипке играл, на зубариках, галстук с тоски накидывал⁶. Судьба только и уберегла. Так что политбесед со мной не проводи...

⁴ Торба (вор. жаргон) – место содержания задержанных за правонарушение, КПЗ – камера предварительного заключения.

⁵ Читать молитву (вор. жаргон) – читать Уголовный кодекс.

⁶ Вскрывать вены в знак протеста, голодать, пытаться повеситься (вор. жаргон).

Он вдруг внимательней взгляделся в Данилу, будто прицениваясь и языком цокнул:

– А ты гусь... Ишь, заговорил!.. Оправдают!.. Да когда такое было? Это же выходит, я, уголовник, прав, а начальник милиции и прокурор виноваты? Лихо ты мне лапшу навешал!..

– Не веришь?

– Брехать здоров.

– Решай сам.

– Ладно. Не бойсь. Ты мне не нужен, – Топорков безвольно покачал головой и глотнул водки. – Это я поначалу так, для пущей строгости на тебя кобеля спустил. Хотя... Я ж тебя не звал? Сам припёрся. Зачем?

Данила пожал плечами.

– Чего молчишь?

– Мальчишка тут...

– Какой мальчишка?.. Откуда?.. Признайся уж, не по зубам я тебе оказался. Вот и терпи. Но твоей крови мне не надо. Не лиходей. Я смотрю, мы годки с тобой по возрасту? Тебе сколько?

– Двадцать три.

– Мне меньше. Только с учётом зоны кажется все пятьдесят. У тебя жизнь удалась, а моя кончается. Сам залез. Судьба...

Топорков на глазах пьянел. Он уже не так активно вертел головой на улицу и обратно, не помахивал руками, демонстрируя умелое владение оружием; плотно опершись о косяк, он давно не менял позы и заметно опускался вниз на подгибающихся коленях. Данила подметил, что тот порою утрачивал нить разговора, речь его неожиданно прерывалась не там, где было бы нужно, затем он долго собирался с новыми мыслями.

«Может, заснёт?» – мелькнула лукавой надеждой мысль, но, видимо, она же тревогой аукнулась в голове и Топоркова. Тот вздрогнул, словно очнулся, странно огляделся вокруг, упёрся в Ковшова немигающими глазами, будто впервые его видя. Сообразив, одним движением опрокинул в себя остаток из бутылки, отбросил её в угол. Крякнул, поёживаясь. Водка, похоже, на некоторое время отрезвляла его, будоражила тухнувшее сознание. Он заговорил, речь его опять обрела былую твёрдость, глаза загорелись:

– Слушай, брат, тебя кто успел повидать здесь, кроме Бобра и Карима?

– Я ж говорю, только приехал. Не знают, и не видел никто.

– С кем приехал?

– Друг привёз. С женой.

– Женат, значит?

– Ну.

– Это Бог мне тебя послал! – Топорков хлопнул себя ручищей по бедру. – Другого выхода нет. Я тебя отпущу.

– Что?!

– Отпущу. Сейчас. Что моргалки вылупил? Обрадовался? А... жить хочется? Мне да не знать. Там, на зоне, знаешь...

Данила никак не ожидал такого поворота и, теряясь в догадках, ждал, какую же плату ему придётся платить за обещанное. На малую цену он не надеялся.

– Отпущу, – кивал головой Топорков, будто убеждал и себя. – Только одно условие...

«Вот оно, – ёкнуло сердце Данилы, – что же он надумал?»

– Исполнишь?

– Какое?

– Дай клятву.

– Чего?

– Я ещё пацаном слышал: медики клятву дают не вредить больному. Даже если он совсем пропащий, хоть убийца, так?

– Ну... клятва Гиппократы...

– Я такой же пропащий... Мне здесь конец!

– Зря ты так.

– У вас, юристов, тоже клятва есть... Ну как там?.. Ты только что говорил?.. По правде?.. По совести поступать?..

Данила молчал, не зная, что ответить, совершенно не улавливая мысли путавшегося, истерично кричащего Топоркова:

– Ты пойми, брат, мне живым из этой избы не выйти. Меня Карим отсюда не выпустит. Не для этого он автоматчиков пригнал.

– Да с чего ты взял?

– Молчи! Раз так вышло, что здесь мне помирать придётся, – он тоскливо оглядел чёрные стены, – дай клятву, что исполнишь мою последнюю волю.

– Послушай...

– Не бойсь, она в законе.

– Что делать-то?

– Я скажу. Ты клятву сдержи.

– Василий...

– Откуда знаешь моё имя?

– Когда ехали сюда, Бобров о тебе рассказывал.

– Не забыл, значит, меня Бобёр... Гложет червь его душу. Чует – не всё гладко тогда смастерил Карим. Ну что же, спасибо и на этом. Спокойнее будет умирать.

– Послушай меня, Василий...

– Нет. Карим своё дело исполнит. Никакой Бобров не спасёт. Тогда не смог, а теперь тем более.

– Василий...

– Всё на этом! Ни слова! Решено. Ты вот что... Клянись женой!

– Женой?

– Дети есть?

– Нет ещё...

– Будут. Клянись, чтобы детей вам увидеть! Если исполнишь всё, как попрошу!

– Исполню... только ты прежде...

– Ну вот, – выдохнул и будто успокоился Топорков. – Теперь, когда поклялся, мы с тобой повязаны.

Данила вздрогнул, не понимая.

– Не ершись. Дело моё правое. Я не из тех, чтобы подставлять.

Он взмахнул ножом и, поддев ремень, разрезал его, освободив ноги Ковшову:

– Приди в себя. Может, водяры примешь?

Данила отмахнулся, с трудом сдерживая боль, принялся разминать ноги и одеревеневшее тело.

– А я приму. Мне надо.

У него опять оказалась в руках бутылка, которую ждала та же участь, что и предыдущую – звон битого горлышка, бульканье спиртного.

– Куда столько! – попробовал возразить Данила.

– На воле она сладка, – горько пошутил Топорков. – Тебе не понять. Я лишь здесь пригрелся после колонии, соседку, Фёклу за водярой послал. Ящик заказал. Бабка, хоть и здорова, кобыла, а еле допёрла, зато мне вдоволь.

Он присвистнул, свысока глянул на Ковшова:

– Зря отказываешься. Все напасти снимает.

– Я уж как-нибудь...

– Не понять вам нас. Я ж эту гастроль не просто так затеял. Думаешь, с дури? Нет... Батя мне на последней свиданке о таком покаялся, что я стерпеть не смог! Вот и сорвался. О Хане мне рассказал, об их старой дружбе, чего раньше умалчивал, хотя покойница мать намекала...

Топорков искоса примерился взглядом к Ковшову, но тот не проявлял особого интереса, занятый собой.

– Ты послушай, это моей просьбы касается, – напомнил Топорков. – История давняя, но вылезла вилами только теперь. И если заденет кого, несдобровать.

Данила подтянул ноги, уселся, опершись спиной к стене, так было удобнее и обороняться, если что, и быстрее окрепнуть.

– Ещё с Гражданской войны они, оказывается, вместе были, батя и Хан. В разных ролях, конечно, но бок о бок. Мой хоть и фельдшер, а на деревне за доктора слыл, а Хан спецотрядом красных командовал. Летучие отряды были, умирляли, коль нужда имелаась.

Данила поднял глаза.

– Батя всю жизнь скрывал, а в тот раз разговорился, словно прорвало. Теперь-то я понял почему, а тогда глаза таращил не хуже тебя. Этот Хан, оказывается, такое творил, поверить страшно! Самосуд, на месте сам и приговоры объявлял и расстреливал. Не щадил непокорных за малейшие провинности. Сам и царь, и Бог!

Данила недоверчиво повёл плечами, покоробился.

– Батя в отряде за лекаря был, заодно и бумаги писал по своей грамотности, канцелярией у Хана ведал. Тот порядок требовал во всём, проверял приговоры и сам их подписывал.

Рассказчик приложился к бутылке, смачно сплюнул. За всё это время Ковшов ни разу не заметил, чтобы тот закусывал: курил да губы рукавом вытирал.

– А потом круче времена пошли. Хан возглавил энкавэдэ в районе. Вроде война кончилась, а врагов не уменьшилось. Батя калякал, что Хан их будто из-под земли выковыривал и чаще всего среди своих, на кого и не подумаешь. Батя сторониться его стал, попробовал в сельскую больницу перебраться, там спрятаться, почуял: нелюдские дела творятся, народ молчит, а косится уже, здороваться стали с опаской. Только от Хана так просто не утаиться, отыскал он батю, напомнил прошлое, чистым, мол, хочешь быть, а цель-то общая ещё не выполнена – враги революции вокруг! Только хитрее и коварнее стали, под начальство рядятся, чтобы вредить удобнее. А батю всё больше эта борьба травлю напоминать стала. Он в ноги Хану, мол, стар... отпусти. Ну, Хан его миловал: из больницы забрал, к себе ближе пристроил, опять на канцелярию посадил, архивом командовать назначил; молодым и вёртким он не доверял. Батя смирился, хоть и здесь порой по ночам его подымали. Теперь пришлось не только бумаги на расстрелянных составлять, но и помогать закапывать. Сдал батя. Сам ждал ночи, когда за ним придут. Запил, слёг в больницу да так, что безнадёжным признали, мать домой взяла помирать, но выходила. Выходить – выходила, да на беду. Передых невелик оказался. Как-то к вечеру забирает его Хан с отрядом в дальнее село, аж к морю. Там голодающие бунт подняли.

Данила напряг внимание, сменил позу, история начала его увлекать, да и рассказчик вроде как сам переменялся: весь нахохлился, голос его окреп, звенел в тишине злыми, гневными нотками. Топорков даже наклонился к Ковшову, будто желал ему в глаза заглянуть, разглядеть, что в них делается.

– В том селе вперемежку народ собрался, всех помалу – казахи, калмыки, русские, а артель рыбацкую возглавляли наши, на бударках в море ходили. Одним словом, мужики – на лов в море, а из райцентра человек приехал, собрал всех, кто остался: баб, стариков да мальцов, – и начал выступать. Запретил рыбу на котёл брать и прочие строгости. А в селе жизнь на рыбе держалась, бабы хай подняли и тряхнули докладчика так, что тот еле ноги унёс. Хан и поехал умирять крикливых. Те роптать, он приказал кнутами пороть, а тут ловцы с моря

подоспели, в ход оглобли пошли. Катавасия такая завязалась, что за ружья схватились бойцы. Одним словом, всех мужиков положили, попали и бабы под горячую руку. От села пацанва одна осталась, да старики со старухами. А через день-два их на телеги погрузили и вывезли из района. Куда? След простыл. Был люд и сгинул. Но бумаги составили. Мой батя под диктовку их и писал. Именем революционного трибунала... поднявших голову на республику... банду вредителей, учинивших бунт... расстрелять...

– Читал, что ли? – с недоверием покосился Данила. – Уж больно складно у тебя.

– Читал! – зло отрезал Топорков, и видно было, как покраснелось его лицо. – Не веришь? Я и сам бы не поверил, если бы в руках ту бумагу не держал.

– Откуда?

– Потерпи! Придёт время! – взмахнул рукой Топорков, останавливая его. – Дай досказать. Батя опись составил захоронённых, Хан подписал приговор. Всё чин чином. В том списке только мужиков человек тридцать оказалось, а баб да стариков!..

Топорков опять приложился к бутылке, Данила поморщился, но не встревал.

– Батю после этого кондратий хватил, в больницу снова свалился, но отпустило. Умереть хотел, а смерть не приняла. Ну и Хан от него отстал. Батя в колхоз устроился, в море за рыбой ходил, там пропадал, а затем война началась с немцами. Его по здоровью не взяли, он к архивам вернулся в районный Совет, а Хан на фронт ушёл. Воевал. Живым вернулся. Работал в городе, потом домой – возглавил райком партии. Про батю совсем забыл или вида не подавал.

Топорков отвернулся к окну, помолчал, пряча огонёк сигареты, поёживался, развернулся рывком к Ковшову, протянул удостоверение, зажигалку-пистолет:

– Бери! За то, что мал-мал прибил... извини... сам понять должен. Откуда мне было знать.

Данила принял удостоверение, сунул в карман зажигалку.

– Я когда с Ёлкой всерьёз встречаться стал, – продолжал Топорков, – и не замечал, что у бати с Ханом тоже дружба водилась. А в тюрьму угодил, батя ему в ноги бросился. Тот пообещал сменить гнев на милость, но обманул. А когда батя снова наведалься, на порог не пустил.

Данила, сочувствуя, повёл плечами, но промолчал, голова его была занята другими мыслями.

– А недавно Хан сам за батей послал. Прошное вспомнил, архивами заинтересовался, не припрятал, мол, чего? Батя божится – как можно! Хан заявляет, что особо важного там не должно быть, но могли завалиться разные бумажки про давние, революционные будни. А сейчас, мол, мода пошла прошлое ворошить, самим Сталиным погнушались. Извратил все его дела Хрущёв, все его победы. Доберутся и до нас... Батя кумекать начал, про что тот намекает, а Хан ему напрямки – спалить надо весь архив. Пошёл вроде слух, что собираются его в город перевезти, надо опередить. За эту услугу пообещал Хан похлопотать за меня, освободить раньше времени... Батя глаза выкатил – как спалить? Посадят! А Хан на смех его поднял, – твой архив в полуразвалившейся избе хранится, электропроводка – сплошная гниль, устрой, мол, короткое замыкание, изба сгорит в несколько минут, как спичка. Комар носа не подточит. Ты архив не строил, тебе он в наследство достался, ты лишь бумажный хранитель, с тебя, стрелочника, никакого спроса. Зато сын на воле! А не можешь сам, попроси сына, то есть меня. Его отпустят на время. Пусть обтяпает, а Карим прикроет. А потом полная амнистия... Вот батя и рванул ко мне...

Данила с интересом прислушался. Давние революционные события больше походили на нереальные фантазии, но последние слова тревожили, представляя криминальный интерес.

– Поведал мне батя обо всём этом, – продолжал Топорков, – и не поверили мы Хану. Я так скумекал: избу с архивом райсовета спалить он и без нас может. Зачем свидетели? Но здесь вдруг батя понадобился? Значит, и от него избавиться желает Хан. Отец – единственный

свидетель всего, что тот творил. Вот и придумал Хан одним хлопком все свои чёрные дела прихлопнуть...

– А почему?.. – начал было Данила.

– Есть и этому причина, – прервал его Топорков. – Я расспрашивал своих. Есть на зоне авторитеты. Слышали. В Москве съезд прошёл, на котором Хрущёв выступал. Самого Сталина из мавзолея похоронили. Много времени прошло, конечно. Но и до нас волна докатилась. Видать, закачалась земля и под такими, как наш Хан. Хрущёв хоть на пенсию ушёл, но дружки его верные остались, у нас на зоне народ ждёт, должно быть обновление. Как?.. Логично?

Ковшов пожал плечами с сомнением:

– Если кого и коснётся, то политзаключённых. Да и пустое это дело. Времени-то уже сколько прошло с того съезда.

– Не враз. Россия – страна большая. Докатится, – не унимался Топорков. – На зоне давно ждут амнистии. Если б разговоров не было, я б и не знал. А то чего бы Хан зашевелился, а?

Данила понял, что возражать бесполезно, очень уж горели глаза Топоркова, и сам он весь светился в своей прозорливой догадке.

– Народ не тот стал, – волновался рассказчик. – Звон по зоне идёт, новой жизни заждались, мы хоть газеты и не читаем, а что наверху, в Москве случись, у нас свой телефон отзванивает. Ещё чище и с подробностями, о которых и вам не знать. Вот Хан и зашевелился. Как думаешь?

Не дождавшись ответа, Топорков затараторил:

– Я с зоны легко ушёл. Хлебники да шерстяные помогли⁷. Батю в городе у Большого Ивана⁸ в надёжном месте оставил. От Хана подальше. Ему здесь делать нечего. На воле сам погулял трое суток и ног не замочил⁹. Фартило поначалу, всё в цвет, в архиве сам побывал, сгрёб там бумажки, которые батя велел собрать. Всё тихо, следа не оставил. Засобирались уже возвращаться... Палить архив не стал! – опередил он Ковшова, сунувшегося было с вопросом. – Зачем палить? Нам, уголовке, ещё одной статьи не надо. Мы с батей по-другому всё надумали обтяпать. А то, что Хана тревожило, мне батя заранее передал. Он, как знал, ту бумагу о расстреле рыбацкой деревни при себе схоронил. Что уж там помешало, что у них с Ханом вышло, но утаил он её от остальных. Может, тогда уже Хану не верил... Не пытал я батю. Да что я тебе размусоливаю! – Топорков дёрнулся в чувствах, рванул на груди ворот и рывком достал, протянул Ковшову что-то.

Это были свёрнутые несколько раз листы бумаги. Топорков засветил фонарик:

– Читай. Только осторожно. Попортились от времени уголки.

Данила принял фонарик, осветил жёлтые измятые листы, с трудом разбирая, попробовал прочесть:

– ... приговорить всех... ниже обозначенных поимённо... к высшей мере пролетарского возмездия... и защиты трудового народа... расстрелять... Приговор привести к исполнению немедленно... Сидоркина Павла, Сигизекова Ермека, Усманова Толгата...

Он поднял испуганные глаза на Топоркова:

– Тут их много. Это те самые?

– Там они все, – мрачно кивнул тот. – На трёх листах как раз уместились. Всех перечислил Хан. Никого не забыл. Аккуратный в бухгалтерии, гад!

– Так это же что выходит?.. – заикнулся было Данила.

– Это тебе будет пропуск к батю. Всех без суда и следствия Хан грохнул тогда в той деревне. Об этом листки. Если Кариму достанутся, непременно к Хану попадут. Поэтому тебе

⁷ Близкие друзья и осуждённые, придерживающиеся воровских традиций (*вор. жаргон*).

⁸ Главарь банды (*вор. жаргон*).

⁹ Не наследил, не был замечен милицией (*вор. жаргон*).

и доверяюсь. Найдёшь на воле батю. С ним к своему главному прокурору явиться в область. Ему батя всё и поведаёт. А бумаги – единственное подтверждение. За ними я из лагеря и бежал.

От волнения или по другой причине голос Топоркова прервался, он хотел ещё что-то добавить, но совсем осип и полез за бутылкой.

VIII

– Ты ничего дурного не думай, – наконец успокоился, пришёл в себя Топорков, губы рукавом обтёр, на Ковшова зорче глянул. – По нашей задумке, я сам с батей хотел к Главному вашему заявиться и враз во всём покаяться, но подвела Фёкла, зараза! Сдала меня легавым. Послал я её за водярой, она только за ворота шмыганула – и к ним. Дошло до Карима. Я лишь первую бутылку откупорил, хотел перед тем, как отчалить с этих мест, отметить удачу, а в окно глядь – менты уже обложили, гвалт подняли – выходи! Сдавайся!

– Так ещё не поздно, – подхватил Данила. – Это неплохой вариант. А бумаги я доставлю по назначению.

– Нет! – вырвал из его рук листы Топорков. – Карим меня в живых не оставит. Нет мне отсюда хода. А про клятву ты забыл?

– Не забыл я ничего. Живым ты больше и отцу, и себе поможешь.

– Ну хватит! – оборвал его Топорков. – Повезёт, спасусь, а нет, так тому и быть. Ты обещания свои исполни.

– Я-то не забуду.

– И за это спасибо. Дай-ка назад пистолетик тот. – Он строго глянул на Ковшова, протянул руку.

– Зачем?

– Давай, давай, – Топорков одним щелчком выбил капсулу с бензином из рукоятки зажигалки, образовавшуюся пустоту аккуратно заполнил сложенными в несколько раз заветными отцовскими бумагами. – Надёжнее будет.

Глянул на Ковшова с хитрецей и надеждой, протянул заветную драгоценность:

– Храни пуще ока!

– Ты подумай, Василий...

– Если жив останусь, меня сразу в город не увезут, – подмигнул Топорков Ковшову. – В КПЗ держать станут, Карим мурлыжить начнёт. Ты тогда шепни Бобру, чтобы быстрее отправили в город. Бате привет.

– А где же я его отыщу?

– На Больших Исадах найдёшь пиджака. Солидный мужик это, монетчик, скажешь ему, что от Топора, он тебя с Большим Иваном сведёт, через него до бати доберёшься.

– Усложняешь ты всё, Василий... – Даниле не нравились затеи и поручения, которыми его ни с того ни с сего наделил этот человек. Хотя это и оказался единственный путь к его собственному освобождению, он чувствовал во всём происходящем пусть невольную, но свою ущербность, и это претило ему и угнетало. – Сдался бы ты Боброву. Тот поймёт. Хочешь, я сам выйду первым? Подыму крик. Они стрелять не станут.

– Нет! – тут же пресёк его Топорков. – Не дадут мне до Бобра добраться. И отсюда живым Карим меня не выпустит. Ты отца отыщи, а с ним к своему Главному пробейся с бумагами. Кто у вас Главный зуботыка-то? – он широко усмехнулся. – Знаешь своего Главного? Вот ему и сдашь всё. А теперь пора.

Он протянул руку Ковшову, но Данила замешкался, растерянно переминался с ноги на ногу, поднявшись, подыскивал слова, чтобы убедить, отговорить. Тот, так и не дождавшись руки, резко развернулся, схватил ружьё, шагнул к окну. Чёрной тенью мелькнул его силуэт в просвете окна и слился с косяком.

– Прощай! – прозвучало уже оттуда. – Успеешь, объясни Бобру, только про главное молчок. Главное прокурору области выложи.

Ничего не видя, слепой от темноты и тяжёлого расставания, Данила шагнул в противоположную сторону, с трудом нашарил едва угадывающийся оконный пролом, перевалил в

него половину ноющего от побоев тела и рухнул вниз на землю от внезапного удара по голове, ничего не поняв, не вскрикнув.

То, как торопливо обшаривали его одежду неизвестные руки, опустошали карманы, он уже не чувствовал.

Нéкто уничтожает улики

*Загадку объявили неразрешимой как раз на том основании,
которое помогает её решить.*

А. Перес-Реверте. Клуб Дюма

I

Всё же шорох слышался от двери. Тихий и прерывистый, будто неуверенно и боязливо кто-то царапался.

Появление доктора обычно предвещалось издали его шумными быстрыми шагами, бесцеремонным и будоражающим голосом. Старушка-медсестра проникала в палату сама собой, словно по мановению волшебной палочки; Данила открывал глаза, когда она уже поправляла ему подушку или водружала графин свежей воды на тумбочку.

– Спи, сынок, – пресекала она все его попытки заговорить, – сон лучший лекарь.

Так проходило кормление и лечение. От доктора, кроме уколов и таблеток, ничего. В разговоры он не вступал, в последний свой визит не сдержался, заметил, что вечером прокурор района обещался быть сам.

«Что с Очаровашкой? Где она? Где Аркадий?» – мучился Данила, он пробовал подняться, резкая боль разламывала голову, он падал на подушку, а забываясь от уколов, засыпал.

Этот невнятный шорох разбудил его. Данила повернулся к окну. Заметно вечерело. Царапанье двери завершилось тем, что она приоткрылась и на пороге палаты появился незнакомый молодой человек. Был он долговяз и неуклюж, с шевелюрой тёмных волос, круглые великоватые очки не портили красивых чёрных глаз и шли к интеллигентному тонкому лицу. Светлый костюм сидел мешковато, юнец будто перерос его, бросались в глаза короткие брюки и тонкие длинные руки, в которых он держал, прижимая к груди, тяжёлую книжищу в кожаном переплёте. Чувствовалось, ничего ценнее у него не было. Воровато оглянувшись, он кивнул Ковшову и сделал к кровати несколько неуверенных шажков, тихо притворив за собой дверь.

– Вы Ковшов Данила Павлович? – шёпотом спросил он. – Простите, у меня к вам неотложное дело.

Недоверчиво присматриваясь, Ковшов указал на единственный стул.

– Видите ли, складывается неприятная ситуация, – неуверенно начал незванный посетитель. – Ещё вчера, поздно вечером, скорее ночью... после некоторого осмотра места происшествия и... – он поправил съезжающие на нос очки, – и перемещения тела в морг, Маркел Тарасович, передавая мне ключ, предупредил, что до его звонка из города обследование не производить...

Он сделал внушительную паузу и громче произнёс:

– Даже если приедет сам Богдан Константинович. Понимаете?

– Пока с трудом, – буркнул Данила.

– Ну как же? Бобров не велел ничего делать без него. Он намеревался отыскать в городе Югорова и пригласить самого заведующего бюро экспертиз производить вскрытие.

– Послушайте! – перебил его Ковшов. – Какой труп? Я не понимаю. О ком вы говорите? Кто вы, в конце концов?

Молодой человек смутился и отступил на шаг.

– Объясните толком, – закончил Ковшов.

– Я патологоанатом местной больницы, – будто вспомнив, заторопился посетитель. – Практикуюсь первый год после института. Вообще-то здесь есть хирург Кантемиров Богдан Константинович. Обычно он разрешает такие вопросы, но поскольку трупов мало, хирургической практики недостаточно, Богдан Константинович последнее время намерен перевестись в город...

Видно, запутавшись в собственных рассуждениях, он приостановился.

– К чему всё это? – нахмурился Ковшов.

– Иногда вскрытие умерших приходилось проводить мне, – выпалив, тот запнулся. – Когда случай очевидный.

– Ну?.. – не догадывался Ковшов.

– Здесь случай вроде тоже очевидный, но Бобров запретил...

– Ничего не пойму!

– Они настаивают на немедленном вскрытии, – обречённо закончил молодой человек, не скрывая тревоги. – И требуют заключение о причинах смерти.

– Та-а-ак, – начал соображать Данила и попытался подняться.

Посетитель бросился ему помогать, но мешала книжка, с которой он так и не расставался. Наконец общими усилиями Ковшову удалось удобнее привалиться на спинку койки; головокружение не беспокоило, да и боль пропала.

– Я, Илья Дынин, – уже смелее залепетал посетитель, – патологоанатом больницы... а они настаивают насчёт причины...

Под недоумевающим взглядом Ковшова юноша покраснел и смолк.

– При чём тут я? Кто и кого здесь собирается вскрывать? – вскипел, не сдерживаясь больше Данила. – Чей труп, чёрт возьми!

Их глаза встретились. Патологоанатом раньше отвёл взгляд с тоской и сожалением.

– Странно... – прошептал он. – Вам должно быть известно... Хотя... Сюда вы попали в бессознательном состоянии... Вас нашёл возле дома Топорковых и вытащил из огня ваш друг.

– Аркадий?

– Да, Маркел Тарасович так его представил. Но позвольте. Разве вы ничего не знаете о...

Страшная догадка подлой змеёй добиралась до сознания Ковшова, жаля ещё тлеющую надежду на ошибку.

– Что с Топорковым? – спросил он.

– Застрелился, – дрогнули у юнца губы.

– Как? Как это случилось?

– Поджёг дом... и застрелился из собственного ружья.

II

В душе Данилы всё оборвалось. Он привстал на постели, но внезапная резкая боль в голове отбросила его на подушку.

– Это кто же позволил? – в палату влетел главврач Брякин. – Илья Артурович, как же так? Я строго-настрого приказал больного не беспокоить. Бобров приказал к нему ни-ни!..

Патологоанатом подскочил со стула и прижался к стене.

– Как вы, позвольте спросить, здесь оказались? – Брякин только гром и молнии не метал. – Где Егоровна?

Медсестра, провинившимся стражем суетившаяся ранее за широкой спиной главврача, принялась подталкивать Дынина к выходу.

– Всем оставаться на месте! – не помня себя, выкрикнул Данила с трудом, но достаточно, чтобы подействовало; главврач застыл с открытым ртом, а старушка даже присела от неожиданности. – Кто требует заключения?

Дынин попытался было говорить, но не решался, взирая на главврача, тот, весь в гневе, покрасневший от натуги, потерялся на мгновение.

– Телефон? – спросил его Ковшов. – Есть поблизости связь?

– У меня в кабинете...

– До города можно дозвониться?

– Надо попробовать...

– Помогите мне, – Данила попытался встать на ноги.

Дынин, словно ожив, бросился помогать и, странное дело, боль тут же исчезла, лишь только Данила оказался в вертикальном положении.

– Куда? – вскинул он глаза на главврача.

– Вам нельзя вставать, – заикнулся тот, но Ковшов уже был на пороге.

– Я снимаю с себя всякую ответственность!

– Ведите! – не оборачиваясь велел Данила. Его качнуло, но плечо Дынина вовремя оказалось на месте и выручило, а дальше пошло лучше, да и коридор оказался настолько узким, что вдвоём им просто некуда было падать, если только вперёд, куда оба успевали подставлять ноги.

До кабинета они добрались без особых приключений, но не успели войти, как главврач опередил их, скользнув ужом из-за их спин, он первым проскочил к столу и, плюхнувшись в кресло, завладел телефоном.

– Вам Маркела Тарасовича, как я понимаю? – прижав трубку к груди, он зорко изучал лицо Ковшова.

– Наберите прокуратуру области, – не дав усомниться в своей осведомлённости, нахмурился Данила. – В приёмной должны знать.

– Вот видите, – заговорщицки поджал врач губы. – А мне Маркел Тарасович точный телефон оставил.

– Звоните!

– Это не так просто, – поводит пальчиком Брякин. – Тут надо уметь... у меня там девушка... Даша. Если нам повезёт...

И он принялся вращать диск аппарата.

– Илья Артурович, – развернулся между тем Ковшов к Дынину. – Расскажите всё подробнее.

– Товарищ... Ковшов, мне представляется, я уже достаточно полно...

– Ещё раз. И не упускайте подробностей.

– Ну как же?... С чего? Я, право, не знаю...

– Я вас очень прошу. Начните со стрельбы у избы.

– К сожалению, я был далеко от того места, где была стрельба. За мной послал Бобров по просьбе Мирона Венедиктовича, – Дынин кивнул на главврача, – когда избу уже затушили.

– Был пожар?

– Горело внутри. Маркел Тарасович с милиционерами осматривали тело Топоркова.

– Где?

– У избы, – не переставая возиться с аппаратом и тщетно пытаясь дозвониться до коммутатора, опередил главврач. – Труп вынесли из дыма. И я приказал послать за патологоанатомом.

– Эксперта надо бы... – пожалел Данила.

– Где ж его взять? – в сердцах бросил телефонную трубку Брякин. – Кантемиров в город бежать намылился, да и он лишь хирург!

– Случай вроде очевидный, – будто успокаивая главврача, нерешительно втиснулся в разговор Дынин.

– Что? – не расслышал Ковшов.

– Признаки классического самоубийства...

– Это кто же сделал такой вывод? – медленно сквозь зубы процедил Данила, едва сдерживаясь от гнева и иронии.

– Он сапог с правой ноги снял, – заторопился Дынин, вспоминая. – Маркел Тарасович высказал догадку, что это для того, чтобы легче до курка достать. Ружьё было заряжено на оба ствола, но он нажал один раз. В области груди раскромсал себе всё дробовым зарядом. Дробь крупная, самодельная. Ворот рубахи растянул аж до пояса. Как ствол ружья обеими руками обхватил, так и лежал вниз лицом...

– Ещё что отметили?

– Пьяный он был. Сильно. Дух шёл тяжёлый. Внутри нашли пустые бутылки. Если все им одним выпиты, я гарантирую смерть от одной водки.

– А пожар?

– Дом он поджёг раньше. Перед тем, как стреляться.

– Да?

– Это не мои выводы, – Дынин зарделся от смущения. – Я слышал. Огонь быстро потушили, так как горело в одном углу, где он прятался...

– Прятался, значит?

– Там и труп нашли.

– Сильно повреждён огнём?

– Достаточно.

– Кто же тушил?

– Милиция.

– Записку не оставил? – Данила так и вцепился взглядом в патологоанатома.

– Разговоров не было, а при осмотре ничего не нашли.

– Что же всё-таки обнаружили?

– Ружьё, патроны, водку в ящике, пустые бутылки, нож в сапоге... гильзы... Маркел Тарасович упаковал и опечатал своей печатью.

– Тело?

– Труп поместили в больничный морг. – Дынин протянул Ковшову ключ от замка: – Вот... ключ от морга Бобров мне оставил... Сказал, до его возвращения ничего с телом не делать.

Брякин давно уже прекратил бесполезные попытки дозвониться до коммутатора, посматривал на часы, досадуя на весь белый свет и прислушиваясь к рассказу Дынина, не перебивая. Тот замолчал, закончив горестное повествование; не подымал головы и Ковшов. Мрачное молчание нарушила старушка медсестра, она налила водички в стакан и протянула Ковшову:

– Выпей, милоч. Уж больно ты бледен.

– Звоните, звоните! – отстранил воду Ковшов, зыркнул на Брякина, а Дынину зло крикнул: – Так что же вы ко мне пожаловали? Ключик имеется. Ждите прокурора.

– Начальник милиции, Равиль Исакович Каримов меня отыскал, – виновато продолжил Дынин. – Комиссия приехала из колонии, откуда бежал осуждённый Топорков. Требуют заключение о причине смерти. Начальник управления отдал приказ срочно провести проверку...

– Ну?..

– Кантемирова нет, я в больнице один, – Дынин опустил руки. – Звонил уже в прокуратуру области...

– Звонили? – оживился Брякин и обречённо забренчал по рожкам аппарата.

– Бесполезно, – покачал головой Дынин. – А без Боброва я не вправе принимать решения. У меня, кстати, нет даже постановления о назначении медицинской экспертизы.

– Что?

– В моей практике таких случаев ещё не было, – замялся Дынин. – И потом... я лишь патологоанатом, а не эксперт.

– Ну как же? – весь ещё в горьких своих раздумьях без злости иронизировал Ковшов. – А классический случай? Вы же расставили точки?

Дынин совсем смутился, поник, что-то промямлил и смолк.

– Что? Не приходилось вскрывать трупы с насильственной смертью?

– Нет, – Дынин лишь мотнул низко опущенной головой и исподлобья глянул на Ковшова как на единственного спасителя.

Данила чуть не присвистнул – вот глушь! Но сдержался.

– Слушай, – вдруг вспомнил он, – в прокуратуре должен быть помощник! Женщина, мне в кадрах говорили.

– Есть. Голубь Ольга Николаевна.

– Дуй к ней. Пусть выписывает постановление – и все дела.

Дынин не проявил энтузиазма.

– Опытная, я слышал. Если сомневаешься в чём, возьми её на вскрытие, подскажет.

Дынин лишь насупился ещё больше и не двинулся с места.

– Что застыл, как стоунхенджская глыба? – не удержался Данила, ему нравилось порой ошарашивать заумными изречениями особо непонятливых, в особенности, когда у самого кошки душу скребли, а тут хватало и того и другого, что называется, полный комплект, и телефон безмолвствовал в руках Брякина...

– Ольге Николаевне нельзя в морг, – вымолвил наконец Дынин.

– Чего это? Больна?

– Беременна. На шестом месяце.

– Дела...

– И вообще... Она падала в обморок...

– Дынин, ты меня сразил. А сам-то чего белеешь? Сам не падал? Это что у тебя за фолиант в руках? Ни с места происшествия?

– Как можно, – вспыхнул краской тот. – Это мне Ольга Николаевна сегодня дала. В качестве пособия для эксперта «Настольная книга следователя» под редакцией Льва Шейнина.

– Полезная книга, – одобрил Ковшов и важным тоном знатока поправил: – Только не под редакцией Шейнина, а с его вступительной статьёй. Читал его «Записки следователя»?

– Нет, – честно признался эскулап.

– Я дам. Привёз с собой, – раздобрился Данила. – Только зачем она тебе эту книжицу вручила? Чтобы ты сдувал оттуда вопросы для экспертизы?

Он даже хмыкнул, но покосился на Брякина, тоже разулыбавшегося, и строже добавил:

– Насколько я помню, эта книга – собственность прокуратуры. У меня самого, когда начинал, такая имелась... Она передаётся, как Библия, по наследству от следователя к следователю. А тебе зачем? Ты же патологоанатом?

Его поучения перебил шум в коридоре. Брякин вскочил от аппарата, но проворная старушка, опередив его, сноровисто шмыганула за дверь, впрочем, скоро явившись снова.

– Мирон Венедиктович!.. – выкатила она глаза на главврача, но её властно оттеснили – за спиной была милиция.

III

– Начальник районного отдела внутренних дел подполковник милиции Каримов, – откозырял вошедший. – Равиль Исакович.

За ним суетились тоже не мелкие сошки, Ковшов различил подполковника и майора. Каримов испепелял взглядом совсем посрамившегося Дынина, бедняга буквально влип в стену.

– Данила Павлович, – протянув руку для пожатия, пронзил взглядом Ковшова подполковник, – как себя чувствуете?

– Нормально.

– Главврач доложил вам, что передвигаться нельзя.

Брякин так и стоял навывтяжку за столом с трубкой в руке, которая вдруг, будто реагируя на явившееся районное начальство, ни с того ни с сего бурно заговорила женским приветливым голосом.

– Послушайте, – разрешил Каримов, кивнув на трубку, и скомандовал явившимся с ним: – Товарищи офицеры, прошу садиться.

– Да-да, – ожил Брякин и заблестел глазами вошедшим, а в трубку рявкнул: – Девушка! Ну как можно?

Вошедших оказалось много, и они потеснили всех, хотя Дынин каким-то образом спасся за спиной у Ковшова и выглядывал оттуда как из укрытия.

– Я только что разговаривал с генералом. – Присев к столу и небрежно бросив на него фуражку, Каримов из-под тонких бровей поизучал Ковшова. – Он в курсе всего происшедшего. Мне поставлена задача... – Он полуобернулся.

Сзади вскочил и вытянулся, щёлкнув каблуками, низкорослый молчаливый крепыш с двумя большими звёздочками на погонах. Он рубанул воздух ладонью, припечатав её к козырьку, и застыл.

– ... вместе с начальником колонии Глиером...

Офицер вскинул глаза на Ковшова, изображая способность пробить стену лбом.

– ... срочно завершить проверку причин побега и самоубийства осуждённого Топоркова.

Сцена впечатляла. Брякин, буркнув в трубку, что позвонит попозже, тихо осел вниз, старушка тенью выскользнула из кабинета. Воцарилась такая мёртвая тишина, будто Каримов уже отыскал виновного во всём человека. И это был, конечно, прятавшийся Дынин, а может быть, и главврач Брякин, или в крайнем случае не известный никому следователь прокуратуры Ковшов.

– В целом обстоятельства установлены, – оглядев всех ещё раз, продолжал чётким голосом Каримов. – Я дал команду начать печатать информацию.

Он многозначительно остановил свой взор на Брякине, тот как-то уменьшился в размерах.

– Для полноты недостаёт заключения о смерти.

Точка была поставлена, Ковшов почувствовал, как Дынин вздрогнул за его спиной, а Брякин икнул.

– Бобров не смог попасть на приём к прокурору области из-за бюро обкома, – между прочим поделился своей осведомлённостью Каримов. – Бобров не отыскал и Югорова. Заведующий бюро экспертиз с утра выехал по районам. Впрочем, не так важно их отсутствие.

Каримов приостановился, чуть заглянул за спину Ковшова в поисках патологоанатома и продолжил:

– Генерал связался с заместителем прокурора области Колосухиным. Тот обещал отпустить Боброва только к вечеру, а вскрытие следует производить незамедлительно.

Начальник явно кокетничал с Ковшовым. В его глазах так и сквозило превосходство: что этот молокосос мог знать об аппаратных совещаниях генералов, о бюро обкома и вообще о делах там, наверху? И Ковшов отдал должное сцене, которая перед ним была разыграна, но вида не подал, он промолчал, дожидаясь главного.

– Совещание может затянуться до поздней ночи. Мне сообщили – обсуждаются итоги, – со значением подчеркнул Каримов. – А вскрытие не терпит. Труп разлагается, хотим мы этого или не хотим. Завтра до обеда его следует придать земле. Кстати, хоронить некому, отец Топоркова пропал. Сбежал, конечно, после таких делишек сына. Но, – Каримов повернулся к Глиеру, – похоронит колония...

Тот, послушный во всём, тут же вскочил на ноги с виноватым видом.

– Сидите, сидите, – успокоил его Каримов.

На минуту в кабинете воцарилась тишина.

«Ну, с похоронами ты явно загибаешь, подполковник, – сразу как-то не проникся симпатией к спешке начальника милиции Ковшов, он приглядывался к Каримову, перекатывая нелёгкие мысли в голове. – И с ясностью во всём происшедшим явно лукавишь. Вопросов столько, что сразу и не скумекать. Зачем тебе такая спешка?.. Отделаться от трупа хочешь?»

Каримов почувствовал недоверие, резко отвернулся к Брякину, упрекнул:

– Опять связи нет?

– Была... – смутился тот.

– Странно, – раздражённо обронил Каримов и поморщился. – Всё у них не по-людски. Дозвониться до города – проблема! А ведь новую станцию ввели! Хвалился мне Друбич.

Брякин робко обмолвился:

– Набирать?

Но Каримов остановил его, властно приподняв ладошку от стола, вопрошая, смотрел на Ковшова:

– Вам решать, Данила Павлович, – тихо, словно крадучись, произнёс Каримов. – Ольга Николаевна в судебном процессе. В райпрокуратуре никого.

– Мне необходим разговор с Бобровым, – твёрдо ответил Данила.

– Так видите, что у нас со связью, – поджал губы подполковник. – То она есть, то с огнём... Да и совещание там...

– Я попытаюсь, – ненароком влез Брякин, обдав Каримова угодливой улыбкой. – Дашенька должна сейчас объявиться... С ней мигом.

И он бросился крутить аппарат, не заметив, как побагровел от гнева подполковник. Каримов уже готов был взорваться, но главврачу повезло, скоро Ковшов сам услышал в трубке голос прокурора района.

– Я извиняюсь, Маркел Тарасович, – продолжал беспечно радоваться Брякин, – тут вас.

И он протянул трубку Каримову, но Данила её перехватил.

– Как себя чувствуешь? – первое, что услышал Ковшов.

– Нормально, – и он кратко объяснил ситуацию.

– Сможешь присутствовать на вскрытии? – выслушав и помолчав, спросил Бобров. – Каримов мне звонил, уши задолбил срочностью. Я задержусь. И экспертов свободных нет. Дело к вечеру... сам знаешь, к нам ехать через паром, это ж на сутки. Без Югорова мне вопрос решить не удалось. Как?

– Попрошу, пусть уколют, – пошутил Данила.

– Давай без этого. Я серьёзно.

– Смогу. Но дело не во мне. Тут вот с экспертом как?

– А что?

– Так в больнице лишь патологоанатом!

– А Кантемиров не объявился?

– Нет.

– Ну, ничего, – Бобров помолчал. – Дынин спец молодой, но смышлёный. У него практика имелась. Таких случаев, правда, не было. Но этот же очевидный...

– Вы думаете?

– Сам делал осмотр места происшествия. Застрелился, стервец. Доставил-таки старому отцу радости.

– Тут надо бы...

– Не усложняй, Данила Павлович, – оборвал его прокурор. – Я сам там всё облазил. Он дробью грудную клетку себе разворотил. И ведь надо додуматься! Сапог с ноги скинул, чтобы до курка пальцем достать!..

Бобров даже крикнул на другом конце телефона:

– А ведь тихоней прикидывался.

– Я тут... когда в тот вечер у избы оказался, – начал было Данила, но замолчал, заметив на себе заинтересованный взгляд Каримова. Разговор их хорошо прослушивался... Ковшов поперхнулся и начал подбирать слова: – Мне тогда показалось...

– Брякин рядом? – перебил его прокурор.

– Здесь.

– Дай ему трубку.

– Маркел Тарасович?..

– Товарищ следователь, передайте телефон главному врачу больницы, – сухо отчеканил Бобров.

Это был приказ.

Брякин завладел телефоном и по мере разговора, прикрывая ладошкой трубку, виновато улыбаясь всем, степенно удалился в уголок кабинета. Даниле почудилось недоброе в страусовом заду главврача. «Гиппократ хренов! – злился он. – Сейчас наговорит для важности. Припомнит, как вчера турнул его после неуклюжих уколов. В присутствии начальника милиции да этой комиссии утрёт своей значимостью...»

Брякин вернулся к столу и любезно протянул ему трубку:

– Вас.

– Слушаю, Маркел Тарасович.

– Врач не рекомендует тебе активных движений. Зачем из палаты пошёл?

– А как бы я с вами говорил?

– Не перебивай! Думаешь, я здесь штаны протираю? Выволочку за тебя уже получил. Теперь вот Игорушкина дожидаясь с бюро обкома. Велено ждать.

Ковшов примолк.

– Возвращусь только завтра, – Бобров опять крикнул. – Утром. Со щитом или... как это там?

– Со щитом, Маркел Тарасович!

– Со щитом... Не знаю. Ты как туда попал вчера? В избу-то? – вдруг словно прорвало прокурора. – Какого чёрта тебя туда понесло?

Данила ждал этих вопросов ещё в тот раз, когда утром перед отъездом в город прокурор зашёл к нему в палату, но помешал Брякин уколами.

– Что молчишь? Герой выискался... Он же тебя прибить мог!

Данила не знал, куда девать трубку.

– С голыми руками на бандита! Аркадия благодари, он из огня вытащил!

На другом конце связи Боброву тоже видно было не развернуться с нахлынувшими душевными чувствами, поэтому он скоро выдохся:

– Ну, ладно. Приеду – разберёмся. Сейчас времени нет, – отдышался он. – Брякин уверяет, что не выдержишь на вскрытии. Лежать тебе надо. А за твоё здоровье я отвечаю. Случись что, меня шеф вчистую на берег спишет. Так что на койку и головы не подымать. Понял?

Данила кивнул.

– Не слышу!

– Ясно.

– Вот так, товарищ следователь. Выпиши постановление Дынину. Поговори с ним. Объясни. Он парень толковый. Затыркали его в больнице. Брякин тоже хорош!

Главврач, слышавший всё это, враз отстранился, поджав губы и заморгал глазами, будто ничего не понял.

– Пусть выделит Дынину санитарку, – звучало из трубки. – А Каримову поручи, чтобы обеспечил охрану у морга. До ночи придётся заниматься.

Каримов кивнул, он тоже хорошо всё расслышал.

– Надо в любом случае закончить и завтра тело отдать, – диктовал в трубку прокурор. – Пусть хоронят. Отец так и не появился?

– Чей отец? – не понял Данила.

– Топоркова. Каримов мне сказал, что пропал тот. Подозревает, убил его сынок. Но я не допускаю. Брехня!

Каримов поморщился.

– Предлагал искать труп отца в подвале. Только там нет ничего, – продолжал Бобров. – Я велел забить окна избы, если отец не объявится. И двери. Понял?

Данила взглянул на Каримова, тот согласно опустил глаза.

– Сам на койку! Ты мне здоровым нужен.

И прокурор повесил трубку. Данила молчал, переваривал указания Боброва. Его опять затошнило, острая боль обручем опоясала голову. «А лекарь-то недалёк от истины, – засосало под ложечкой, – опозоришься, брякнешься на вскрытии перед операционным столом, как девица какая-нибудь...»

IV

Данила поманил из-за спины Дынина, озабоченно оглядел с ног до головы. Неказист был тот, но другого не заполнить.

– Бланки постановлений о назначении медицинской экспертизы при вас?

Дынин раскрыл фолиант и аккуратно положил перед собой бумагу.

– Запасся? – вырвалось у Ковшова.

– Да.

– Равиль Исхакович, – повернулся Ковшов к начальнику милиции, – выделите эксперту Дынину милиционера, а вы, – он поднял глаза на Брякина, – санитарку поопытней, необходимое оборудование и инструменты. Хватит, Илья Артурович?

– Хватит, – сжал губы патологоанатом. – У меня просьба.

– Что?

– Как бы после двенадцати свет не отключили в морге...

– Свет? Это что же?..

– Ага, – закивал главврач. – Я сам проконтролирую. Тётя Нюра! – позвал он старушку. – Анна Егоровна!

– Не успеете до полуночи? – посочувствовал Данила.

– Постараюсь, – Дынин был бледнее обычного.

– Время-то детское! – повеселился Каримов. – До полуночи ещё!..

– Сколько сейчас? – спросил Данила.

– Семнадцать тридцать пять! – рявкнул подполковник из колонии. – Я у вас в посёлке заночую, Равиль Исхакович. Дождусь заключения.

– Конечно, – кивнул тот и похлопал патологоанатома по плечу.

– Должен успеть, – вытянулся патологоанатом.

Ковшов вручил постановление и отправился в палату. Не успел он улечься, как в дверь просунулась голова Брякина.

– Никак не расстанемся, Данила Павлович, – издалека начал он, – тут вам сюрприз.

– Да уж чего там?.. – не повернул головы тот. – Чем удивлять собрались?

– Жена к вам, – не стерпел Брякин. – Я думаю, мы приказ Маркела Тарасовича немножко нарушим.

– Где она? – встрепнулся Данила. – Это самое лучшее лекарство!

В палату ворвался Аркадий и стиснул его.

– Раздавишь, бродяга...

Очаровашка повисла на шее мужа и тут же залилась слезами.

Не готовый к таким страстям, Ковшов обнял жену, пытаясь успокоить и не находил нужных слов:

– Как вы? Где остановились?

– На прокурорских хлебах, – отмахнулся Аркадий. – Варвара Афанасьевна о нас заботится.

Брякин бегал, суетился вокруг них, появилась старушка с пакетами и сумкой.

– Сам-то как? – продолжал Аркадий, устраиваясь на подоконнике. – Любезная Варвара шлёт душевный поклон и припасы с собственной кухни. Отощал, я вижу, на больничных харчах.

– Неправда, неправда! – вмешался Брякин. – Кормим по диете.

– В богоугодных заведениях не разгуляешься, – не унимался Аркадий. – Ишь, рубаха висит, словно мешок!

Очаровашка тоже запричитала, но старушка уже распаковала сумки, украсила содержимым стол.

– Вот и восполните, коль с претензией, – защебетала она.

– Не во вред, – горячился Брякин. – У нас диета.

– Как насчёт?.. – полез Аркадий за пазуху.

– Что вы! – бросился к нему Брякин, а старушка так и вцепилась в руку. – У вас пять минут.

Данила, не выпуская жену из объятий, покосился на приятеля:

– Ты не пугай персонал.

– Запрещено, – закивал Брякин. – У меня чётко. А главное – диета.

И начал выпроваживать гостей, тесня к дверям:

– Ждём. У нас не город, конечно. Без формальностей. Всегда рады...

Ковшов поцеловал Очаровашку, и Брякин увлёк её за собой в коридор. Аркадий смог задержаться и, хлопнув Данилу по плечу, шепнул:

– Дело есть.

Он помолчал и многозначительно подмигнул:

– Строго конфиденциальное.

– Чего напугал персонал-то? – отмахнулся Данила. – Надо было тебе заикаться о бутылке?

– Пошутить нельзя? У меня и не было ничего.

– Вот и вытурили вас. Теперь не пустят. Эх, ты! Одно слово – артист цирка.

– Прощения просим...

– Чего уж там. Теперь терпи до завтра.

– А что?

– Завтра, может, выпустят. Бобров обещал. Тогда и поговорим.

– Тебе видней, служивый, – Аркадий исчез за дверью. – Мне не к спеху.

Ковшов собрал со стола (есть не хотелось), возвратил сумки заглянувшей старушке и упал в постель.

– Через десять минут уколы! – донеслось от порога, и дверь закрылась.

Видимо, волнения последних дней сказались, не успел он прикрыть глаза, как заснул. Но спал недолго. Его растолкал взлохмаченный, немного не в себе человек в грязном, запачканном кровью зелёном халате. С трудом Данила узнал в нём Дынина. В глубоко распахнутых смятённых глазах метался ужас.

– Проснитесь же, наконец! – теребил его патологоанатом. – Я нашёл в нём пулю!

– Сколько времени? – спросил Данила, ничего не понимая.

В палате было темно. Видимо, вбежав, Дынин забыл включить свет. Слабое освещение шло от занавешенного окна.

– При чём здесь время? – опешил Дынин. – Около двенадцати ночи, наверное...

– Вся нечисть к полуночи слетается. В морге ей самое место, – мрачно пошутил Данила. – Самый раз.

– Вы не верите? – сверкал глазами Дынин, рукава его были в крови по локоть. – Вы можете шутить. Но я нашёл в трупe пулю! И это не самокатка, даже не жакан! Говорю вам ещё раз, это не мелкая дробь!

– Да погоди ты! Уймись! Дай в себя прийти.

– Это пуля от пистолета! – совсем округлил глаза Дынин.

– Чего? Ты не спятил?

– Не знаю пока, какого. Может, из пистолета Макарова или Токарева, а может, и из нагана. Но это пуля!

– Не ори! Начитался книжек Ольги Николаевны. Где твоя пуля?

Дынин в изнеможении свалился на стул. Данила подошёл к окну, отодвинул занавеску, всмотрелся за стекло. Ему померещился шум снаружи. Будто тень мелькнула у ближайшего одинокого дерева.

Но на дворе было пусто. Свет проникал в помещение от луны, диск которой будто любопытствуя, свешивался с дерева и заглядывал в окно больничной палаты.

– Ночь-то какая! – поёжился Данила. – Только привидениям и шастать.

– Я раскрыл ему грудь... – бормотал Дынин, – дошёл до сердца... вокруг на теле сплошная мелкая дробь, порошинок множество... даже остатки пыжа встретились кое-где... А она, видно, ему в амулет угодила.

– Чего?

– На шее у него амулет был. Ну, это?... Серёжка сердечком из серебристого металла, подвешенная на самодельную железную цепочку.

– Серёжка?... – ёкнуло внутри и у Данилы, вспомнившего рассказ Топоркова.

– Пуля угодила в самую серёжку и застряла в сердце.

– Дай-ка пулю.

– Пули нет.

– Как нет! Что за дурь! Давай пулю! Где она?

– Как учили... Во время вскрытия всё извлечённое из тела мною складывалось в отдельный приёмник. Я приспособил стерилизатор... металлическую коробку... в морге подобрал подходящую. Вот в этот приёмник пулю, серёжку с цепочкой и сложил. Там и остальная дробь...

– Чучело! – вырвалось у Данилы. – Кто у трупа остался?

– Дубель, милиционер, – смутился Дынин. – Петровна, санитарка, когда я к вам пошёл, со мной попросилась. Боязливая старушка попить захотела. А товарищ Дубель близ дверей морга, как и положено.

– Туда, быстро! – рванулся к двери Данила. – Ты впереди шагай, дорогу показывать будешь. Фонарик-то есть?

– Откуда? – споткнулся тот.

V

Пришлось изрядно повозиться с задними дверьми, прежде чем из полумрака прохладного коридора они наконец выбрались на скрипучее шаткое крыльцо. Патологоанатом не переставал удивляться, что кто-то додумался прикрыть за ним двери, и поругивал санитарку, помогавшую на вскрытии.

– Дверь-то снаружи была припёрта чем-то! – укорил его Ковшов.

– Разве? – путался совсем смутившийся Дынин. – Ничего не понимаю...

Лунная ночь встретила их настороженным шумом деревьев, раскачивающихся под порывами ветра. Стало жутковато. Патологоанатом жался к Ковшову и ёжился; ничего на себя не набросив, он так и оставался в кровавом халате.

– Куда? – окинул взглядом больничный двор Ковшов.

– Тут недалеко, – всё же шагнул первым Дынин.

Морг располагался в глубине запущенного двора, в старом деревянном сарае, привалившемся к так же покосившемуся забору. Так они и стояли, будто набравшиеся до риз пьянчуги, боящиеся расстаться, чтобы не упасть. Голый столб с тусклой электрической лампочкой под жестяным колпаком, периодически издававшим скрежет, довершал убожество.

– Илья Артурович! – нагнал их внезапный крик сзади. – Никак меня забыли?

– Петровна! – взвился Дынин. – Чего это с дверью?.. Зачем ты её прикрыла?

– Я здесь, – догнала их старушка. – Водички божьей напилась и сил прибавилось. А двери и не касалась.

– Ты не понадобишься, – остановил её патологоанатом. – Возвращайся.

– Она пулю видела? – перебил его Ковшов.

– Нет.

– Пусть идёт. А милиционер где?

– Дубель при морге оставался, – начал оглядываться Дынин. – При входе.

– Не заметил. Испугался, что ли?

– Верующий он, – опустил тот голову. – Развёл мне целую философию. Нельзя, мол, отдавшего Богу душу мучить...

– Это милиционер-то!

– Вот... – растерянно опустил руки патологоанатом.

– Идиллия, – хмыкнул Ковшов. – Каримову сказать, тот его в три шеи!..

– Что вы!

– А куда он сейчас-то запропастился? Удрал?

Будто услышав их голоса, из темноты возник чёрный силуэт.

– Смотрите! – ткнул пальцем Дынин.

– Илья Артурович, это я. Дубель.

– Вы что же пост покинули? – обрадовался тот. – Я вам велел...

– А чего там стоять? Кого охранять? – приблизился милиционер. – Кому мёртвые нужны?

– Товарищ постовой! – Ковшов возмутился так, что милиционер опешил. – Что себе позволяете?

– Да не убудет, – разглядел гражданского тот. – Самоубийц-то и в народе не милуют...

– Вам было приказано!.. – взвился Ковшов, но на него наткнулась старушка, едва поспевавшая за ними, и гнев пропал сам собой. – Пошли дальше, – безразлично махнул рукой Данила.

Худющий милиционер присоединился к старушке, и они о чём-то зашептались за спиной Ковшова.

– Петровна, ты мне страха-то не наводи и так спина мокрая, – донеслось до Данилы.

– Какие страхи, какие страхи, милоч? – успокаивала его старушка. – Тут уж бояться нечего. То, что к полуночи они все слетаются, ещё прабабка моя, Ниловна, сказывала. Но вреда, не бойсь, не причиняют... Нам-то что их опасаться? Мы покойника обмываем, в последний путь собираем... Нам что? Мы слуги и помощники...

– Разве вспомнить, сколько за всю жизнь-то накуролесил? – жаловался долговязый. – Может, где и того... Но дело служивое, по приказу. А, Петровна?..

– Не твоя вина, милоч. Коль по приказу, тому и отвечать.

В морге было ещё темней, и Дынин споткнулся у входа, пропустив вперёд Ковшова. Тот включил фонарик, взятый у Дубеля.

От входной двери в глубину морга уходили грубо сколоченные полусгнившие стеллажи, почерневшие от времени. Они были пусты, но местами в глаза бросались остатки всевозможного медицинского оборудования, пришедшего в негодность: носилки без одной ручки, сундук с красным крестом на боку, пара респираторов попеременно с несколькими противогазами и прочая рухлядь. Почти обвыкнув, Данила вдруг вздрогнул от пластмассовых розовых конечностей, бывших когда-то подобием человеческого скелета – наглядным пособием для студентов. Чертыхнувшись, он направил луч фонарика вперёд, где в центре помещения высился громоздкий стол в виде постамента. Над ним тускло горел свет. Внизу разверзлось тело, когда-то бывшее человеком. И признаков никаких, что *это* принадлежало метавшемуся в избе живому Топоркову, только знакомая запрокинутая патлатая голова. Запах ударил в нос. Перехватило дыхание. «Так вот, оказывается, какова она, Голгофа!..» – тоскливо мелькнуло в сознании Данилы.

Он, хотя и подтрунивал над другими, не переносил вынужденных визитов в эти казённые дома. Морги и обыски претили его натуре. По своей воле он их избегал, считал – каждому своё. Он профессионал, следовательно, его дело раскрывать преступления, уличать преступника, собирать и анализировать факты и доказательства. Его идеала, великого сыщика Шерлока Холмса, знаток сыскного хобби Конан Дойль никогда не загонял в морг, какие бы загадочные преступления тот ни расследовал. Колдовать над телом жертвы – удел эксперта. Ему и карты в руки. Никто не мог переубедить Данилу в этом, даже начальство. Но следователь – лицо подчинённое, сам он до начальства не дорос, поэтому приходилось терпеть.

Ковшов замер на подступах к телу, и тут сзади раздался грохот, сопровождаемый диким криком. Он обернулся и остоленел. Старушка, шедшая за ним, неосторожно задела конечности пластмассовых останков, те обрушились на несчастного Дубеля, и милиционер свалился на пол, в ужасе хватаясь за стеллаж и роняя на себя всё, что могло падать.

– Очнись, касатик! – запричитала старушка над очумевшим от страха долговязым. – Бойся живых. А эти чего...

– Воды бы ему, – поискал по сторонам Дынин.

– Откуда ей быть, Илья Артурович? – покосилась старушка. – Я ж в корпус бегала.

– Водки! – мрачно отрезал Ковшов. – Или дай спирту, если есть.

– Спирт был, – Дынин помог подняться милиционеру. – Но он выделяется для мытья рук и...

– Вот и побереги, – снова перебил его Ковшов. – Пошли, они сами управятся. Где твоя коробка?

Патологоанатом засуетился над растерзанным телом, потом сунулся под стол, начал открывать всевозможные ящички в шкафу.

– Стерилизатор, говоришь? – подталкивал его от нетерпения Данила. – Где пуля-то?

– Здесь всё было... – Дынин опять полез под стол, засветив фонарик, заглядывал под деревянный настил, в углы.

– Ты что же, потерял коробку?! – захолодела спина у Ковшова.

– Да нет... Куда ей деться? – лепетал патологоанатом, он снова принялся копать в ящиках стола и, наконец, воздев руки вверх, с облегчением завопил: – Вот она! Я же говорил, куда ей деться!

– Ну, давай, – потянулся к нему Данила.

– Я сам, – как бесценную драгоценность прижал блестящую коробочку к груди тот и открыл дрожащими руками.

Он коснулся пальцем мелких дробинok, пошевелил осторожно помятую серебристую серёжку, измазанную кровью, и поднял испуганные глаза на Ковшова.

– Чего?

– Н-нет...

– Как нет! Ты что мелешь?

– Пули нет... – посеревшими губами прошептал патологоанатом.

Профи и дилетанты

После того как справедливость совершила свой нерушимый приговор, милосердие должно вернуть человека в братство людей.
Д. Гиббонс

I

На таких совещаниях Ковшову бывать не приходилось. И он не знал, как себя вести. Это выглядело несправедливым разносом, который без лишних церемоний и преамбул устроил Дынину прокурор.

Присутствовали, правда, свои, из приглашённых – начальник колонии да Югоров. Но он-то и был не только городским чужаком, но и начальником бюро судебных медицинских экспертиз, а значит, будущее патологоанатома горело синим пламенем.

Но только ли это? На глазах Данилы творилась великая несправедливость. Вершилось судилище над невинным, а если и виноватым, то не в таких чудовищных грехах! Данилу так и подмывало вскочить, закричать: да, виноват Дынин, но не настолько же! Да, свалил дурака с этой нелепой дробью, но при чём здесь пуля? Не это главное! Он же один там мучился... И впервые... а условия?.. Но Ковшов ничего не мог поделать. Его никто не спрашивал, он сам находился здесь на правах поделщика несчастного подсудимого и тоже дожидался своей участи. Данила ёрзал на стуле, дёргался, порываясь вскочить, но под грозным взглядом Боброва обмякал и проглатывал язык.

Бобров обвинял патологоанатома во всём: в дилетантском исследовании трупа, в полном неумении завершить анатомирование, в халатном отношении к вещественным доказательствам и всех прочих грехах, последовавших далее. Он и Каримов подняли на смех невразумительный лепет Дынина насчёт якобы пропавшего кусочка металла, названного к тому же «пулей», причём «пулей огнестрельного оружия ближнего боя», то есть пистолетной, вот как посмел выразиться тот! Видимо, мальчишке здорово задурили голову фантазии западных книжек, тут же рассмеялся, не поднимаясь со стула, Каримов, важно постукивая карандашом по столу. Грозным вершителем судилища он восседал рядом с прокурором. И где же сама находка, язвил он, её как не было, так и нет. Подполковник сурово намекнул о спирте, который выделяется на вскрытие, мол, продукт был задействован явно не по назначению, поэтому налицо такие факты. После чего Дынин совсем поник головой, Данила подскочил от возмущения, уже открыв рот, но нелепость пресёк Бобров, перебив подполковника взмахом руки и, обращаясь к Югорову, подвёл черту:

– Откуда у молодых такие богатые фантазии, Константин Владимирович? Чем объяснить столь дикие погрешности?

Югоров смолчал.

– Скажите мне, Дынин, где акт вскрытия? – повернулся Бобров к патологоанатому. – Почему вами не велось никаких записей? Вы должны были фиксировать все свои действия в присутствии медицинских работников, помогавших вам. Что?.. Не слышу?

– Каких работников? – подскочил всё же Данила. – Древней старушки?

– Вам не терпится, товарищ следователь? – одёрнул его прокурор. – Ваши объяснения мы ещё выслушаем. Погодите.

Каримов не преминул поддакнуть, и Ковшов понуро опустил на стул, пристыженный.

– Если вы обнаружили посторонний предмет в исследуемом... – горячась, Бобров на секунду запнулся, – объекте... необходимо было его беречь как зеницу ока! Не явилась ли эта пуля вам в воспалённом бреде? Кстати, как у вас со здоровьем? Плохо себя чувствуете? Иначе я не пойму – ужа принять за ежа!

Крах приближался, на Дынина без слёз нельзя было смотреть. Защитить патологоанатома попытался Брякин, пискнувший, что такого бы не случилось, будь на месте Богдан Константинович Кантемиров. Он бы и совет подал вовремя и сам помог при необходимости... Но лучше бы главврач не вступал. Видимо, у прокурора района давно накопилось на «гастролёра», как он тут же обозвал отсутствовавшего единственного хирурга. Бобров сразу нагово-

рил кучу нелестных отзывов в его адрес и пообещал разобраться, почему тот беспрестанно отсутствует на рабочем месте.

– По моим сведениям, первый секретарь, – робко вставил Брякин, многозначительно поглядывая на прокурора, – Хансултанов инициативу в этом вопросе проявил.

– Что? – не расслышав, в запале обернулся прокурор.

– Хайса помог хирургу найти место в городе, – смелее и громче подсказал главврач.

– А дело? – в гневе рявкнул прокурор, не обращая внимания, как сузились и без того маленькие глазки Каримова.

И, вспомнив об общей круговой поруке, Бобров проехался несколько раз по поводу плохой организации работы всей больницы, не забыл поморщившегося главврача и, наконец, начал утихать.

Югорову предстояло выступать последним. Все понимали – ему делать выводы. Седой, высокий и властный, это стало особенно заметно, когда он поднялся, Югоров производил впечатление. Все притихли. Даже Каримов перестал отстукивать карандашом.

– Ваше волнение, Маркел Тарасович, – начал Югоров, – невольно передалось и мне.

Он как-то по-особому глянул на Боброва, ещё лохматившего ручищей волосы в причёске, и улыбнулся, будто извиняясь.

– Но о нашем случае я повременю. Убережёмся расставлять акценты. Достоверно одно: по ряду субъективных причин довести до завершения процесс... процесс довольно сложного, как я понял, медицинского исследования, молодому специалисту не удалось. Помешало много обстоятельств, я бы позволил себе смелость некоторые из них назвать безобразиями. И думаю, – Югоров остановил свой взгляд на главвраче, – все со мной согласятся и сделают правильные выводы.

Брякин попытался вскочить, но Югоров его опередил:

– Что уж там скрывать, милейший Мирон Венедиктович? Дынин промолчал, вас спасая, а ведь ему пришлось работать в безобразных условиях! Я по области поездил, насмотрелся всякого, но, простите за резкость, такого непонимания и отношения к нашим исследованиям видеть не приходилось. У вас тут, батенька, Средневековье какое-то. Пока готовился этот... консилиум, я походил, посмотрел. Свет отсутствует, вентиляции, канализации в морге нет. Да и какой это морг? Он же рухнет в один роковой миг и под обломками окажутся и врач, и покойник. Да что там говорить!..

– Я ставил вопрос в облздравотделе! – подскочил с места Брякин. – Просил выделить средства, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.